

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания РАН
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences**

**ДЕСЯТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ-ШКОЛА
«ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»**

**8TH SCHOOL-CONFERENCE “LANGUAGE ISSUES:
A YOUNG SCHOLARS’ PERSPECTIVE”**

**Москва, 24–26 апреля 2024 г.
Moscow, 24th –26th April 2024**

**ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
ABSTRACTS**

Семантико-синтаксическая дистрибуция татарского сравнительного аффикса *-ча*

Алимова Полина Игоревна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
alimova016@gmail.com

Синицына Юлия Владимировна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
jv.sinitsyna@yandex.ru

Доклад посвящен структурно-семантическим особенностям сравнительного показателя *-ча* в татарском языке. В исследовании используются данные, собранные в 2023-24 гг. методом анкетирования в Респ. Татарстан, а также корпусные примеры.

Основная функция *-ча*, согласно грамматикам, — адвербиализатор с семантикой подобия: *хатын-нар-ча* (женщина-PL-SIM) ‘по-женски’, *кеше-чә* (человек-SIM) ‘по-человечески’ [ТГ 1995: 482-485]. В то же время в описаниях не уделяется много внимания несловообразовательному потенциалу *-ча*, кроме единичных случаев, см. [Былинина 2017: 461; Ермолаева и др. 2017: 496]. Данные татарского не представлены в известной нам типологической литературе, посвященной сравнительным конструкциям (СрК) равенства [Haspelmath, Buchholz 1998; Henkelmann 2006; Haspelmath et al. 2017].

В докладе мы рассмотрим морфосинтаксические особенности *-ча* в контексте СрК, в которых *-ча* является маркером стандарта (сущности, с которой проводится сравнение; см. подробнее [Haspelmath, Buchholz 1998]). Мы коснемся вопроса о структурных и семантических особенностях стандарта, оформленного *-ча*. В (1) это конкретно-референтная именная группа, тогда как в (2) — глагольная группа.

Именные стандарты сравнения будут рассмотрены в соответствии с иерархией полноты ИГ, обсуждаемой в [Гращенков 2017]. Также мы обсудим возможность *-ча* маркировать стандарты, связанные с разными синтаксическими позициями объекта сравнения — ср., например, частично разрешенный пример (3), где стандарт связан с локативным объектом. Кроме этого, мы обсудим семантические ограничения на референциальный статус и одушевленность стандарта, маркируемого *-ча*.

(1) Ул **дуст-ым-ча** жырл-ый.
он друг-1SG.POSS-SIM петть-PRS.3SG

‘Он поёт как мой друг.’

(2) Оля балык **тот-кан-ча**, мин ит кис-ә-м.
Оля рыба ловить-PFCT-SIM я мясо резать-PRS-1SG

‘Я режу мясо, как Оля ловит рыбу.’

(3) Кыз кәнифә-дә эскәмия-дә-чә утыр-а.
девочка кресло-LOC скамья-LOC-SIM сидеть-PRS.1SG

‘Девочка сидит на кресле как на скамье’.

Список сокращений:

1, 3 – лицо, PL – множественное число, LOC — локатив, PFCT — перфект, POSS – посессивность, PRS – настоящее время, SG – единственное число, SIM – симилиатив.

Литература:

Былинина Е. Г. Сравнительные конструкции. *Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект*, ред. Татевосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш. М.: Буки Веди, 2017. С. 448–464.

Гращенко П.В. Базовый синтаксис мишарской именной группы. *Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект*, ред. Татевосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш. М.: Буки Веди, 2017. С. 286–330.

Ермолаева М. Б., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. Обстоятельственные предложения // *Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект*, ред. Татевосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш. М.: Буки Веди, 2017. С. 471–525.

ТГ 1995. Закиев М. З., Ганиев Ф. А., Зиннатуллина К. З. (ред.). Татарская грамматика. Том 1. Казань, Академия Наук Татарстана. Институт языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова

Haspelmath M., Buchholz O. 1998. Equative and similitive constructions in the languages of Europe. *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*, ed. J. van der Auwera. Berlin: Mouton, 277–334.

Haspelmath M., the Leipzig Equative Constructions Team. 2017. Equative constructions in world-wide perspective. *Similitive and Equative Constructions: A Crosslinguistic Perspective*, ed. Y. Treis, M. Vanhove. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 9–32.

Henkelmann P. 2006. Constructions of equative comparison. *Language Typology and Universals* 59. 370–398.

Перевод интерфейса мессенджера Telegram на бурятский язык: стратегии перевода в условиях языкового сдвига

Базаржапова Алтана Доржиевна

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия*

altanaanatla@mail.ru

Сейчас наблюдается всплеск интереса к миноритарным культурам, а языковой активизм обрел различные интернет-опосредованные формы. В настоящем докладе освещается один из таких ревитализаторских проектов — это выполняющийся сейчас некоммерческий перевод интерфейса мессенджера Telegram с английского языка на бурятский язык, начатый в феврале 2023 г. группой из 6 энтузиастов, включая докладчика.

Бурятский язык находится под угрозой исчезновения [*Janhunen* 2010: 48-58], и исследователи [напр.: *Graber* 2020] фиксируют болезненность языкового сдвига в этнической Бурятии, развившегося в силу разных социально-исторических причин. Однако анализ представленности бурятского языка в интернете позволил обнаружить некоторые положительные тенденции: сейчас наблюдается запрос на бурятоязычную интернет-коммуникацию и репрезентацию этого языка в сферах, ранее не обслуживаемых этим языком.

На «волне» этих процессов и был запущен перевод интерфейса Telegram-а на бурятский язык. В переводе регулярно возникают лингвоспецифические технические проблемы [*Бадараев* 2023], но центральным является другой вопрос: каким должен быть язык, в частности лексика, переводного интернет-ресурса в условиях, когда русскоязычные вкрапления играют большую роль в повседневной бурятской речи, а объем лексикона говорящих уменьшается с каждым следующим поколением?

В ходе анализа тенденций в сфере бурятского языка было сформулировано 5 стратегий перевода лексики Telegram-а, которые применяются параллельно и позволяют максимально задействовать внутренние средства языка, сохраняя при этом понятность интерфейса для рядового носителя языка: 1) использование исконной бурятской лексики, уже адаптированной для передачи современных понятий; 2) адаптация исконной лексики для передачи некоторых понятий; 3) заимствование английского оригинала; 4) калькирование отдельных русских конструкций/значений; 5) вкрапление отдельных английских элементов без графической адаптации. Эти стратегии подробно описываются в докладе.

Литература:

Janhunen J. North-east Asia // Atlas of the World's Languages in Danger. 3rd edition. UNESCO. 2010. P. 48-58.

Graber K.E. Mixed Messages: Mediating Native Belonging in Asian Russia. Cornell University Press, 2020.

Бадараев О.Д. Мессенджер Телеграм на бурятском языке: особенности адаптации и использования // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Владивосток: Изд-во ДВФУ. 2023. С. 80-85.

Пермиссивная семантика каузативов в горномарийском языке и в татышлинском говоре удмуртского языка

Белова Дарья Дмитриевна

Институт языкознания РАН;

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
dd.belova@yandex.ru

Выражение пермиссивности ('разрешить') считается типологически распространенным периферийным значением морфологических каузативов, см. [Kulikov 2001]. В финно-угорских языках пермиссивные каузативы отмечаются (см., например, [Никифорова 2018:478] о мокшанском), однако в целом «употребляются относительно редко» [Летучий, Коломацкий 2012: 4]. В докладе мы представим данные двух финно-угорских идиомов: горномарийского (собраны в респ. Марий Эл, с. Кузнецово и окрестные деревни) и татышлинского говора удмуртского языка (собраны в респ. Башкортостан, с. Нижнебалтачево, д. Старый Кызыл Яр и окрестные деревни); материал получен методом анкетирования носителей. Мы покажем, что интерпретации из пермиссивной семантической зоны в этих идиомах не укладываются в типологические тенденции, описанные в [Недялков, Сильницкий 1969].

Выражениесобственно пермиссивной семантики 'разрешить' действительно затруднено: в контекстах типа (1) каузативы тяготеют к фактитивной интерпретации.

(1) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

#vrač maša-lan šokolad-əm kačk-êkt-en.

врач Маша-DAT шоколад-ACC есть-CAUS-PRET

'Врач угостил Машу шоколадом / *разрешил Маше есть шоколад'.

Пермиссивная семантика возможна у морфологических каузативов в нескольких контекстах. Во-первых, каузативные дериваты под отрицанием регулярно получают интерпретацию 'запретить, не разрешить делать X'. Во-вторых, в обоих языках каузативы свободно употребляются в неволитивных контекстах 'допустить':

(2) ТАТЫШЛИНСКИЙ УДМУРТСКИЙ

vas'a pi-ze ž'angêš zor ul-ên kotmê-t-i-z.

Вася сын-ACC.POSS.3SG ошибка дождь низ-LOC мокнуть-CAUS-PST-3SG

'По Васиной вине его сын промок под дождем'.

Наконец, наиболее любопытным пермиссивным употреблением представляется каузативная конструкция вида (3) со значением 'не препятствовать'. В татышлинском удмуртском это употребление каузативного суффикса сопряжено с синтаксическими особенностями: возможностью дативного маркирования каузируемого (стандартной стратегией в удмуртском выступает аккузативное, а дативное в «обычных» фактитивных контекстах невозможно), а также широкая сфера действия адвербиалов образа действия типа 'хорошо' (для фактитивных каузативов доступна только модификация каузируемого подсобытия).

(3) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

škal jažo-n šəpš-əl-êkt-a.

корова хороший-ADV тянуть-ITER-CAUS-NPST.3SG

'Корова хорошо доится (стоит спокойно, не лягает)'.

Список сокращений:

3 – третье лицо, ACC – аккузатив, ADV – адвербиализатор, CAUS – каузатив, DAT – датив, ITER – итератив, LOC – локатив, NPST – непрошедшее время, PRET – претерит, PST – прошедшее время, POSS – посессив, SG – единственное число.

Литература:

Kulikov L. Causatives. In: M. Haspelmath et al. (eds.). *Language typology and language universals. An international handbook*. Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. P. 886—898.

Никифорова С.О. Каузатив // М. А. Холодилова и др. (ред.). *Элементы мокшанского языка в типологическом освещении*. М: Буки Веди, 2018. С. 472—489.

Летучий А.Б., Коломацкий Д.И. Повышающие актантные деривации в финно-угорских языках // *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 340–355.

Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология каузативных конструкций // А.А. Холодович (отв. ред.). *Типология каузативных конструкций*. Л.: Наука, 1969. С. 5–19.

Частотные характеристики ольфакторной лексики русского языка в диахроническом аспекте (на материале Национального корпуса русского языка)¹

Букреева Людмила Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ludmilabukreeva@gmail.com

Велис Лолита Андреевна

Пятигорский государственный университет
lolla-99@mail.ru

В рамках данного исследования была поставлена задача проанализировать частотные характеристики лексических единиц, представляющих ольфакторный опыт, в диахроническом срезе, и выявить основные тенденции. Работа актуальна, т.к. имеющиеся исследования перцептивного опыта с применением лингвостатистических методов, не фокусируются на ольфакторной лексике.

Материалом для исследования послужила выгрузка контекстного окружения объёмом в 10 000 примеров для лексемы «запах» из основного корпуса национального корпуса русского языка. Примененные методы лингвостатистического анализа текста позволили обнаружить следующее:

1. При сравнении наиболее употребимых прилагательных (XVII - XIX вв. и середина - конец XX в.) было выявлено, что в описаниях запаха стала чаще использоваться вкусовая мультимодальная лексика («сладкий», «кислый», «острый»), и уменьшилось количество бинарной лексики («приятный/неприятный»), что связано с заменой слова «неприятный» на слово «резкий»;
2. Среди существительных появляются следующие запахи: «бензина», «кофе», «краски», и теряют свои позиции запахи: «махорки», «ладана», «водки» и т.д., что может объясняться сменой культурных реалий;
3. Среди глаголов, где «запах» выступает в роли подлежащего, изменения незначительны, в то время как глаголы, где «запах» - дополнение, указывают на то, что раньше чаще активным субъектом выступал источник запаха («иметь», «издавать», «распространять»), в поздней выборке активным субъектом стал реципиент («почувствовать», «вдыхать», «слышать», «уловить» и т.д.), что свидетельствует об усилении антропоцентризма.

Данные результаты являются приблизительными, т.к. получены в ходе первичной апробации анализа ольфакторной лексики с использованием библиотеки spaCy. Стоит учитывать, что автоматический синтаксический анализ допускает неточности в распознавании зависимых слов и словосочетаний, вследствие чего в выборку могут попасть не все требуемые в запросе лексические единицы. Дальнейшая работа над проектом направлена на получение более точных результатов.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00540, <https://rscf.ru/project/24-28-00540/>

Synchronic hypothesis of mixed languages' emergence

Гриднева Екатерина Михайловна

Gridneva Ekaterina

HSE University, Moscow, Russia

egridneva@hse.ru

In my previous paper I examined the patterns of lexification of the core vocabulary (Swadesh lists) of mixed languages [Gridneva, 2022]. The analysis showed that more 'lexically mixed' languages have a higher number of doublets (i.e., two lexical items from different lexifier languages corresponding to one concept in the core vocabulary). Those findings lead to a synchronic hypothesis which will be discussed further (in contrast to Auer's lexical stabilisation approach, which is diachronically oriented). Auer hypotheses [Auer, 1999] was mainly based on the pattern associated with code-switching. Auer perceives the development of a mixed language as a diachronic continuum from code-switching to fused lects. However, I suggest that the diachronic or time factor of 'incomplete stabilisation' is not as valid as the particular pattern of emergence. It seems that the synchronic hypothesis attributing the number of doublets to the 'more mixed nature' of one mixed language is more preferable. In this regard, I am also aiming to compare my synchronic hypotheses and the Auer's diachronic one. The following research suggests the correlation between the number of doublets with the patterns of emergence of mixed languages. There are the following types of mixed languages development: code-switching (Gurindji Kriol and Light Warlpiri) [McConvell, Meakins, 2005], [O'Shannessy, 2015], language intertwining (Michif) [Bakker, 1997], relexification (Media Lengua) [Dikker, 2008], and *mirror relexification* (Angloromani and Medny Aleut) [Granqvist, 2020], [Golovko, 1994]. Finally, the number of doublets depends on the pattern of emergence. Code-switching shows the highest number of doublets while relexification shows the lowest.

References:

- Auer P. From code switching via language mixing to fused lects: toward a dynamic typology of bilingual speech. *International journal of bilingualism*. Vol. 3. 1999. Iss. 4. P. 309–332.
- Bakker P. A language of our own: The genesis of Michif, the mixed Cree-French language of the Canadian Métis. New York: Oxford University Press, 1997.
- Bakker P. Rapid language change: Creolization, intertwining, convergence. C. Renfrew, A. McMahon, L. Trask (eds.) *Time depth in historical linguistics*. Cambridge: The McDonald Institute, 2000. P. 585–620.
- Bakker P. Typology of mixed languages. A. Aikhenvald, R. Dixon (eds.). *The Cambridge handbook of linguistic typology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 217–253.
- Bakker P., Matras Y. (eds.). *Contact languages*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013.
- Belikov V.I. *Konvergentnye protsessy v lingvogeneze [Convergence processes in linguogenesis]*. Doctoral dissertation. Moscow: Moscow State University, 2006.
- Campbell L. *Historical linguistics*. Cambridge: MIT Press, 2013.
- Dikker S. Spanish prepositions in Media Lengua: redefining relexification. T. Stolz, D. Bakker, R. Palomo (eds.) *Hispanisation*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2008. P. 121–148.
- Golovko E.V. *Mednij Aleut or Copper Island Aleut: An Aleut-Russian mixed language*. P. Bakker, M. Mous (eds.). *Mixed Languages: 15 case studies in languages intertwining*. Amsterdam: IFOTT, 1994. P. 113–121.
- Golovko E.V. *Aleutian language in the Russian Federation (structure, functioning, contact phenomena)*. Doctoral dissertation. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2009.
- Golovko E.V., Vakhtin N. B. *Copper Aleut-English Dictionary*. 1994. Manuscript.
- Granqvist K., Y. Matras Y., Tenser A. (eds.). *The Palgrave Handbook of Romani Language and Linguistics*. Cham: Palgrave Macmillan. 596 pp.

- Gridneva Ekaterina M. Mixed languages: Patterns of lexification of the core vocabulary. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2022. 18(3): 50–71.
- Heine B., Kuteva T. *Language contact and grammatical change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Koch H., Nordlinger R. *The languages and linguistics of Australia*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
- Matras Y. Mixed languages: a functional—communicative approach. *Bilingualism: Language and cognition*. 2000. Vol. 3. Iss. 2. P. 79–99.
- McConvell P., Meakins F. Gurindji Kriol: A mixed language emerges from code-switching. *Australian journal of linguistics*. 2005. Vol. 25. Iss. 1. P. 9–30.
- Meakins F. The survey of pidgin and creole languages. S. Michaelis, P. Maurer, M. Haspelmath, M. Huber (eds.). *Gurindji Kriol*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 131–139.
- Meakins F. *Mixed languages*. Oxford: Oxford Research Encyclopedia of Linguistics, 2018.
- Meakins F. *Forthcoming. Mixed languages*. 2019.
- Muysken P. Halfway between Quechua and Spanish: The case for relexification. A. Highfield, A. Valdman (eds.). *Historicity and variation in creole studies*. University of Amsterdam, 1981. P. 52–78.
- Myers-Scotton C. A way to dusty death: The matrix language turnover hypothesis. L. Grenoble, L. Whaley (eds.). *Endangered Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 289–316.
- O’Shannessy C. Typological and social factors influencing a new mixed language, Light Warlpiri. *Code-switching between structural and sociolinguistic perspectives*, 2015. P.289-304.
- Sekerina I. Copper Island (Mednyj) Aleut (CIA): A mixed language. *Languages of the World*. 1994. Vol. 8. Iss. 1. P. 14–31.
- Swadesh M. Linguistics as an Instrument of Prehistory. *Southwestern Journal of Anthropology*. 1959. Vol. 15. Iss. 1. P. 20–35.
- Thomason S. *Contact languages: A wider perspective*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1997.
- Thomason S., Kaufman T. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press, 1992.
- Trask R. *Time depth in historical linguistics*. Cambridge: University of Cambridge; McDonald institute for archaeological research, 2000.
- Velupillai V. *Pidgins, creoles and mixed languages: An introduction*. (Creole Language Library. Vol. 48). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015.

Взаимодействие отрицания, модальности и каузатива в балкарском языке¹

Груздева Анастасия Ильинична

Институт языкознания РАН; МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
gruzdevaai@my.msu.ru

Доклад посвящён показателям отрицания (суффикс *-ма* и частица *туйюл*, [Баскаков 1976: 305-306]), модальности со значением возможности (аффикс *-ал*, [Привознов 2013]) и каузативной актантажной деривации (суффикс *-ДЫр/-(-Ы)т/-ГЫз*, [Лютикова и др. 2006]), а именно взаимодействию этих показателей между собой в малкарском диалекте карачаево-балкарского языка. Были проверены разные возможности сочетания показателей: как в рамках одной синтетической глагольной словоформы, так и на разных словоформах аналитических конструкций (сочетания смыслового глагола с сериализатором *тур* 'стоять' и с вспомогательным глаголом *бол* 'быть'). Материал для исследования собран в рамках полевой работы в с. Верхняя Балкария Кабардино-Балкарской Республики. В качестве основного метода использовалось анкетирование с оценкой приемлемости балкарских предложений и их интерпретаций.

Для всех приемлемых комбинаторных сочетаний ожидаемым образом возможны зеркальные интерпретации, но зачастую не только они: например, для последовательности показателей «каузатив + *-ал* + *-ма*» на лексическом глаголе ряд носителей признавал приемлемыми все 6 возможных интерпретаций:

- (1) Алим Керим-ни чаб-дыр-ал-ма-ды
Алим Керим-АСС бегать-CAUS-POS-NEG-PST
1. Алим не смог заставить Керима побежать. $NEG > MOD > CAUS$
 2. %Алим смог не заставлять Керима бежать. $MOD > NEG > CAUS$
 3. Алим смог не дать, запретить Кериму бежать. $MOD > CAUS > NEG$
 4. %Алим сделал так, чтобы Керим не мог бежать. $CAUS > NEG > MOD$
 5. %Алим сделал так, чтобы Керим мог не бежать. $CAUS > MOD > NEG$
 6. Алим не сделал так, чтобы Керим мог бежать / бегать. $NEG > CAUS > MOD$

На поверхностном фонологическом уровне, впрочем, единственный возможный порядок трёх морфем внутри синтетической словоформы — CAUS-MOD-NEG. На докладе будут представлены эти и другие обобщения о сочетании рассматриваемых показателей (в том числе попарном) как в синтетических, так и в аналитических формах.

Литература:

Баскаков И. А. и др. Грамматика карачаево-балкарского языка // Нальчик: Эльбрус, 1976.

Привознов Д. К. Возможность, сферы действия и вид в черекском диалекте балкарского языка. Ms., 2013.

Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Шлуинский А. Б., Пазельская А. Г. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. // ФГБУН Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2006.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №22-18-00285 «Скалярность в грамматике и словаре: семантико-типологическое исследование» (МГУ имени М. В. Ломоносова).

Особенности восприятия медицинской терминологии в непрофессиональной среде

Гузалова Анастасия Павловна

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
st102016@student.spbu.ru

В достижении комплаенса между врачом и пациентом важную роль играет понимание медицинских терминов, используемых врачом для объяснения диагноза. В литературе отмечается, что при понимании определенных терминов людьми без медицинского образования замечены серьезные заблуждения, см. [Иомдин 2012; Колясева 2014; Hersh et al. 2015; Schnitzler et al. 2017]. Например, слово «склероз» часто понимается как проблемы с памятью, ее потеря, в сравнении с профессиональным определением, где «склероз — уплотнение органов, стенок сосудов и тканей в результате атрофии или гибели паренхимы и замены её соединительной тканью» [БМЭ].

Целью данного исследования было выявить, описать и классифицировать толкования медицинских терминов *склероз, инфаркт, инсульт, анемия, опухоль, остеохондроз, вегетососудистая дистония, ангина, целлюлит* людьми без специального медицинского образования. Для этого нами был проведен опрос с участием 20 респондентов. Все опрошенные были носителями русского языка от 17 до 23 лет, 14 женщин. Участники получали инструкцию дать определения представленным выше терминам. Каждое данное респондентами определение было аннотировано по параметрам (а) правильность ответа; (б) применение каждой из семи стратегий: указание на область, симптом, этиология, конкретный пример, аналогия, дополнительная информация и отказ от ответа.

В ходе анализа толкований медицинских терминов были получены следующие результаты: половина из всех данных респондентами ответов были неполными (т. е. содержали только один симптом, только одну область проявления болезни и т. д.), неправильных ответов было дано в 2,5 раза больше, чем правильных; при определении терминов участники опроса чаще указывали на область, к которой относится заболевание, упоминали его симптомы и этиологию; также использовалась ошибочная стратегия замены гипонима гиперонимом при определении заболеваний, что особенно касается таких терминов, как *инфаркт* и *склероз*.

Литература:

Иомдин Б. Л. О «неправильном» использовании терминов: может ли язык ошибаться? // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сб. науч. ст. в честь 80-летия И.А. Мельчука. М. : Языки славянской культуры. 2012. С. 233-251

Колясева А. Ф. Терминология в зеркале обыденного и профессионального языкового сознания: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01: защищена 24.09.14: утв. 13.04.15. М., 2014.

Hersh, L, Salzman, B, Snyderman, D. (2015). Health Literacy in Primary Care Practice. *Am Fam Physician*. 92(2). 118-24

Schnitzler, L, Smith, SK, Shepherd, HL, Shaw, J, Dong, S, Carpenter, DM, Nguyen, F, Dhillon, HM. (2017). Communication during radiation therapy education sessions: The role of medical jargon and emotional support in clarifying patient confusion. *Patient Educ Couns*. 100(1). 112-120

Большая Медицинская Энциклопедия (БМЭ), под редакцией Петровского Б. В., 3-е издание. URL: <https://бмэ.орг/index.php/> (дата обращения: 12.12.2022).

Развитие наречия *временами* в контексте темпорального творительного в русском языке¹

Дугричилов Ахмед Магомедович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия

akhmed1797@yandex.ru

Одним из многих значений творительного падежа в русском является темпоральное, по типу: *днём*, *вечером* и пр. Лексема *время* хоть и не отражает какой-то определенный отрезок времени, но часто появляется в контекстах таких временных лексем, к тому же, ранее существовала и форма *временем*, которая имела такое же значение *иногда*, как и современное *временами*. В 19-м веке *временем* было полностью вытеснено из языка *временами* (согласно данным корпуса, употребление *временами* начинает расти с 1830-ых годов), которое, имея практически схожее с ним значение, более явно выражало идею дистрибутивности и нерегулярности, что в целом отражает диахронические тенденции темпоральных наречий к размытию собственного значения [Малаховская 1958].

В докладе будет представлено диахроническое развитие наречия *временами* и показано, каким образом в итоге *временами* пришло к полной адвербиализации: ранее возможны были сочетания *ночными временами*, *прошлыми временами* и пр., однако после 19 века они вышли из употребления. *Временем* также могло модифицироваться: сейчас такое практически невозможно, однако в языке сохранилась одна лексикализованная форма *тем временем*, которая в прошлом сосуществовала с *сим временем* и малоупотребительным *этим временем*, но потом полностью вытеснила их:

- (1) Он же, Губан, **ночными временами**, как прогоняли лес чрез Живой мост, и от того лесу кражей отрубал бревна по три и по четыре поляти и отдавал на выкуп тем же хозяевам и с них брал денег по алтыну и по пяти копеек, а ежели не выкупят, то продавал разным людям, а во сколько поймов, того он, Губан, сказать не упомянет. [Распрос в Сыскном приказе фабричного Петра Иванова сына Губана (1741)]
- (2) А что тебе от великого государя вашего сверх тех речей наказано о иных делах мне говорить, и яз деи о тех делах прикажу с вами говорить ближним своим бояром **иным временем**». [Статейный список Г. И. Микулина (Англия) (1600—1601)]

В результате было выявлено, что темпоральные единицы без четко обозначенной длительности типа *периодами*, *мгновениями*, *моментами*, значение которых сближено с *временами*, все в итоге стремятся к адвербиализации, и *временами* не является исключением: возможно также, что все эти адвербиалы развивались по аналогии с *временами*. Также было произведено сравнение с наречием *порой*, которое в отличие от *временами* не изменило свою форму на множественное число, однако также полностью адвербиализовалось: это произошло из-за ограничений, накладываемых на лексему *пора* её семантикой цикла повторяемости [Яковлева 1991].

В качестве источников примеров были использованы основной и панхронический корпуса НКРЯ (во временном срезе 16-21 вв.), а также различные лексические словари русского языка, в том числе словари говоров. Поиск в корпусе производился по всем возможным в русском употреблением творительного в темпоральном значении типа частей суток, времён года, лексем с семантикой мгновенной и неопределённой длительности,

¹ Материал подготовлен по результатам проекта «База данных по историческим изменениям русских конструкций «Diachronicon»» при поддержке Фонда академического развития Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2022-2024 году.

лексем календарной длительности (*неделя, месяц* и пр.). Изначальная же выборка «временами» насчитывала 300 примеров.

Литература:

Малаховская Л.С. Творительный времени // Бернштейн С.Н. (Ред.) Творительный падеж в славянских языках. М.: Издательство АН СССР. 1958. С. 222–245.

Яковлева Е.С. Время и пора в оппозиции линейного и циклического времени // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 47

О недопустимости множественных спецификаторов

Зеленский Дмитрий Максимович

независимый исследователь

dz-zd@mail.ru

Формальные грамматики, строящие эндоцентричные деревья составляющих, как правило, пользуются (или могут пользоваться – для некоторых теорий это понятие лишь потенциально) понятием спецификатора – составляющей, которая, не являясь компонентом (т. е. сестринским узлом) вершины, является, тем не менее, её аргументом. В частности, это понятие широко используется в современной генеративной грамматике [Chomsky].

Хомский [Chomsky], в числе прочего, вводит возможность иметь множество равноправных спецификаторов – предполагая, в частности, что внешний аргумент (агенса или эффектора) и претерпевший так называемое «короткое передвижение объекта» (object shift) пациенс оба являются спецификаторами вершины лёгкого глагола (обозначаемой строчным *v*) и находятся на равном расстоянии (equidistant) от вершин сверху, которые могут выступать в качестве зондов (probe).

Тот же взгляд поддерживает и Н.А. Слюсарь [Slioussar], многократно используя множественные спецификаторы для описания передвижений, связанных с информационной структурой. В частности, многие из них являются передвижениями из позиции компонента некоторой вершины в позицию спецификатора той же вершины (что, вообще говоря, считается нежелательным, однако ввиду технического трюка, заключающегося в том, что передвижение для информационной структуры или изменения сферы действия операторов, в отличие от прочих, не вызвано согласованием, может и не нарушать так называемый «запрет на короткие передвижения», или антилокальность (antilocality), часто формулируемый как «вершина не может дважды согласовываться – и поэтому соединиться – с составляющей»).

Тем не менее, судя по всему, этот взгляд ошибочен. На это независимо указывают несколько обстоятельств.

Во-первых, он приводит к тому, что фазы не могут использоваться для объяснения ограничений на передвижение, известных как «сильные островные эффекты» [Воескх, Grohmann] – ведь тогда (без дополнительных необоснованных допущений) произвольное число составляющих могут становиться в качестве промежуточного шага спецификаторами фазовых вершин. Судя по [Slioussar], т. н. «краевой признак» (Edge Feature), позволяющий передвигаться в спецификатор вершины с ним, не становится неактивным после первого такого передвижения.

Во-вторых, сам анализ Хомского не только вводит сомнительное допущение равного расстояния, упомянутое выше, и также необоснованное предположение, что вершина сперва получает все свои аргументы, а лишь затем становится мишенью передвижения, но и неверно предсказывает, что в определённый момент деривации прямое дополнение будет обладать структурным приоритетом над подлежащим. Соответствующие структуры объясняются лучше, если ввести, вслед за Г. Рэмчанд [Ramchand], не две (*V* и *v*), а три вершины в нижней глагольной области и предположить, что короткое передвижение прямого дополнения происходит в среднюю (прог в терминах Рэмчанд), а не в верхнюю (*init*), а следовательно, вопреки Рэмчанд, фазовой является она.

В-третьих, ограничения на передвижения, связанные с информационной структурой, у [Slioussar] списочные и потому несколько произвольные, становятся систематизированнее, если принять взгляд Л. Рицци [Rizzi], что мишень этих передвижений – специализированные вершины, а это снимает необходимость в описанных выше коротких передвижениях – и вследствие этого во множественных спецификаторах.

Эти и другие аргументы будут подробнее рассмотрены в докладе.

Литература:

Boeckx C., Grohmann K. K. Remark: Putting phases in perspective // *Syntax*. 2007. №. 2. С. 204–222.

Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework // *Step by Step: Essays on Minimalist Syntax in Honor of Howard Lasnik*. Cambridge, 2000. С. 89–155.

Ramchand G. *Verb meaning and the lexicon: a first-phase syntax*. Cambridge, 2008.

Rizzi L. The fine structure of the left periphery // *Elements of grammar: Handbook in generative syntax*. Dordrecht, 1997. С. 281–337.

Slioussar N. *Grammar and information structure: A study with reference to Russian*. Utrecht, 2007.

Перфект в михайловском говоре людиковского наречия карельского языка

Иоаннисиани Александра Багратовна

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

alexioannisiani@yandex.ru

Категория перфекта представляет собой кластер значений, среди которых, вслед за [Comrie 1976], выделяются результативное, экспериенциальное, инклюзивное и имедиатное. Перфект не раз освещался в типологической литературе ([Dahl 1985; Bertrand et al. 2022; Майсак и др. 2016] и другие) и одной из главных типологических черт перфекта является его диахроническая нестабильность [Плунгян 2016].

В карельском перфект представляет собой аналитическую конструкцию, состоящую из вспомогательного глагола *olda* “быть” в презенсе и причастия (активного во всех лицах и числах, кроме 3PL¹) смыслового глагола. Эта конструкция, согласно [Зайков 1999], используется в собственно-карельском в тех контекстах, которые соответствуют результативному, экспериенциальному и инклюзивному перфекту. Полевые данные показывают, что перфект в михайловском говоре употребляется исключительно в результативных контекстах:

1. Результативный

(1) *Miä ole-n pili-nu pui-n*

1SG быть-1SG.PRS спилить-АСТ.РТСР дерево-GEN

‘(Тут пень, потому что) я спилил дерево.’

2. Инклюзивный

(2) *Miä taga olen elä-nu kümme vuod.*

1SG DEM.DIST.LOC быть-1SG.PRS жить-АСТ.РТСР десять *vuod*-год-PART

‘Я (про)жил там десять лет’

*‘Я живу там десять лет.’

3. Экспериенциальный

(2) *Ole-d=go püüdä-nu kuoriš-t?*

быть-2SG.PRS=MOD ловить-АСТ.РТСР корюшка-PART

‘Поймал ли ты корюшку?’

*‘Ловил ли ты (когда-либо) корюшку?’

Такое состояние перфекта в михайловском теоретически могло бы быть результатом одного из четырёх сценариев: (1) михайловский перфект является застывшим архаичным вариантом общекарельского перфекта; (2) михайловский перфект ранее имел функционал, сравнимый с финским и собственно карельским, но со временем сузился без адстратных или суперстратных влияний, (3) в результате языкового сдвига или (4) под влиянием соседних идиомов: вепского (но в нем перфект покрывает и результативные, и инклюзивные контексты [Зайцева 2002], а в диалектах используется мало [Grünthal 2022]) и северорусских говоров, в которых наблюдается результативный перфект [Tommola 2000].

¹ В людиковском также присутствует особая конструкция результативного пассива, состоящая из вспомогательного глагола *olda* “быть” в презенсе и пассивного причастия смыслового глагола: *Ruad om siätu* - ‘Работа сделана’. Подобные примеры в настоящей работе рассматриваться не будут.

Состояние перфекта в михайловском говоре людиковского наречия карельского языка, на наш взгляд, представляет интерес как для диахронической типологии перфекта, так и для типологии перфекта в целом. В докладе предполагается подробно обсудить все возможные указанные выше сценарии развития.

Данные были собраны методом анкетирования в экспедиции в с. Михайловское р. Карелия в 2023-2024 гг.

Список сокращений:

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; GEN — генитив; PART — партитив; LOC — локатив; SG — единственное число; NEG — отрицание; ACT.PTCP — активное причастие; PRS — настоящее время; DEM.DIST — дистальный демонстратив; MOD — модальная частица.

Литература:

Зайков 1999 — П. М. Зайков. Грамматика карельского языка: Фонетика и морфология. Петрозаводск: Периодика, 1999.

Зайцева 2002 — Н. Г. Зайцева. Вепский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2002.

Майсак и др. 2016 — Т.А. Майсак и др. (ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2016. Т. XII. Ч. 2.

Плунгян 2016 — В. А. Плунгян. К типологии перфекта в языках мира: Предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2016. Т. XII. Ч. 2. С. 7–36.

Bertrand et al. 2022 — A. Bertrand, Y. Aonuki, S. Chen, H. Davis, J. Gambarage, L. Griffin, M. Huijsmans, L. Matthewson, D. Reisinger, H. Rullmann, R. Salles, M. D. Schwan, N. Todorovic, B. Trotter, J. Vander Klok. Nobody's Perfect // Languages. 2022. Vol. 7. № 2. 148.

Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Dahl 1985 — Dahl, Östen. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.

Grünthal 2022 — Grünthal, Riho. Veps. 2022 // Marianne Bakró-Nagy, Johanna Laakso, and Elena Skribnik (eds.) The Oxford Guide to the Uralic Languages. Oxford: Oxford University Press, 2022 - p. 291–307

Tommola 2000 — Tommola, Hannu. "On the perfect in North Slavic". 6 Tense and Aspect in the Languages of Europe, edited by Östen Dahl, Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2000, pp. 441-478.

Muira Dargwa Complex Predicates: Morphosyntax and Argument Structure

Калякин Иван Викторович

Kalyakin Ivan

Institute of Linguistics, RAS; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

kalyakin.iv@gmail.com

Introduction. Complex predicate (CPr) is a construction consisting of a light verb (LV) and a non-verbal element (NV). The latter provides the core conceptual meaning, while the former serves primarily as a 'verbalizer', expressing generic meaning. The example (1) instantiates the CPr *wana* AGR-*arq'*- 'warm up' built up of the NV *wana* 'warm' and the LV AGR-*arq'*- 'make'.

- (1) *waba-li* *Xureg* *wana* *b-arq'-ib*
mother-ERG food.ABS warm N-make.PFV-AOR
'Mother warmed up the food.'

This work discusses the CPrs in Muira Dargwa (< Nakh-Daghestanian) and pursues two main goals. Firstly, I discuss the morphosyntactic properties of CPrs. Secondly, I investigate how arguments of CPrs are introduced.

Data. The data comes from author's field work in the village of Kalkni (Republic of Dagestan, Russia) during June 2023. All acceptability judgements were elicited from at least three speakers and subsequently confirmed in different sessions.

Morphosyntax. The two elements show a considerable degree of independence. For instance, an NV and an LV need not be linearly adjacent, see (2).

- (2) *musa-li* *qaè* *˘ciq-li* *at'-ib*
Musa-ERG cough high-ADV say.PFV-AOR
'Musa loudly coughed.'

Another important morphosyntactic property of CPrs is the deficient nature of the NV. It bears no case and, consequently, does not serve as a goal for agreement relation; it cannot be modified and used as an antecedent of a pronoun. I take it as evidence that an NV is the realization of a bare root (Marantz 1997).

Argument Structure. I claim that the analysis in the spirit of (Folli et al. 2005) is applicable to Muira Dargwa data. More concretely, I consider the LV an exponent of *v* head; this head is associated with the introduction of the external argument. Thus, changing the LV can affect transitivity. I depart from Folli et al.'s analysis in considering that the LV also selects for the internal argument. This decision can explain the similarities between LVs and their heavy counterparts (Brugman 2001; Bruening 2016).

Abbreviations:

ABS – absolutive; ADV – adverbializer; AOR – aorist; ERG – ergative; N – neuter; PFV – perfective

References:

- Bruening, B. (2016). Light verbs are just regular verbs. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 22(1).
Brugman, C. (2001). Light verbs and polysemy. *Language Sciences*, 23:551–578.

Folli, R., Harley, H., and Karimi, S. (2005). Determinants of Event Type in Persian Complex Predicates. *Lingua*, 115(10):1365–1401.

Marantz, A. (1997). No escape from syntax: don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon. In Dimitriadis A., Siegel L., Surek-Clark C., and Williams A., editors, *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics* 4, pages 201–225. University of Pennsylvania, Philadelphia.

Модели сюрреалистического юмора в русском языке

Кишкарь Алина Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
alinakishkar@gmail.com

Сюрреалистический юмор, или юмор абсурда, – это вид вербальной иронии, основанный на непредсказуемости. Конструкции, содержащие юмор данного типа, включают сопоставление, которое является заведомо абсурдным, например (1-3).

- (1) *Он такой нотариус как я балерина.*
- (2) *Делец из него как из меня Папа римский.*
- (3) *Если это лучший фильм времён и народов, то я космонавт.*

Анализ сюрреалистического юмора проводился на материале английского языка, см. [Karogianni, 2011], в то время как в русском языке исследования данной темы ещё не проводились. В настоящей работе мы ставили целью восполнить этот пробел на материале корпусов русского языка (Национального корпуса русского языка и Генерального Интернет-корпусе Русского Языка) и данных пилотного опроса, в котором приняли участие 103 респондента.

В рамках корпусного исследования были собраны и проанализированы примеры, содержащие юмор данного типа. При сборе материала мы использовали известные нам структурные модели в русском языке, см. (1-3). Так, было рассмотрено 34 примера из НКРЯ и 81 из ГИКРЯ. Мы анализировали, какие языковые выражения используются в качестве заполнителей слотов конструкции и выявили, что наиболее распространёнными в качестве «абсурдного» предиката во второй части оказались имена собственные (*Пушкин, Наполеон* и др.), наименования актерско-сценических профессий (*балерина, актриса* и др.) и лексема *космонавт*, а в качестве субъекта сравнения в первой части наиболее распространён местоименный элемент 3Sg.

В опросе приняли участие информанты возрастом от 18 до 65 лет. Им предлагалось выполнить задания, направленные на выявление того, с какими моделями сюрреалистического юмора они знакомы и какие модели они используют в соответствующих контекстах, включая описание картинки и продолжение незаконченных фраз. В результате, с одной стороны, подтвердились результаты корпусного исследования, а именно, отмечено предпочтение имен собственных в качестве заполнителей слотов, процент которых составил , а с другой стороны, были выделены новые категории (животные) и конкретные лексемы (*пилот*). Также участники использовали эллиптическую конструкцию (*из тебя X, как из меня*).

Литература:

Karogianni E. The Pragmatics of Humour across Discourse Domain. Kent, 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/271826600_Irony_via_surrealism_The_humorous_side_of_irony

Национальный корпус русского языка. 2004–2022. URL: <http://ruscorpora.ru/>

Генеральный Интернет-корпус Русского Языка. 2013-2022. URL: <https://int.webcorpora.ru/>

Эмоциональный анализ устной маркетинговой коммуникации

Колмогорова Полина Алексеевна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
kolmogorova@gmail.com*

В рамках сотрудничества с дистрибьюторской компанией перед нами стоит глобальная задача выявления лингвистических критериев для измерения успешности торговых представителей.

Цель же данного исследования — проверка промежуточной гипотезы. Мы хотим определить, связана ли успешность продаж с эмоциональной тональностью диалогов торговых представителей с клиентами, а также с типами речевых жанров, к которым прибегают работники для продвижения товара.

Мы отобрали и расшифровали с использованием модели whisper [1, 2] 20 записей диалогов с клиентами (254 минуты) — 10 из них принадлежат торговому представителю с наилучшими показателями по фирме, еще 10 — другим торговым представителям.

Анализ материала показал, что в речи торговых представителей присутствует устойчивая схема: речевые акты продажи чередуются с высказываниями-филлерами, принадлежащим разным речевым жанрам. Примеры таких высказываний были отобраны из скриптов диалогов, после чего был проведен сопоставительный анализ сентимента и эмоций с использованием моделей rubert [3], Aniemore [4].

Анализ показал, что, как правило, менее успешные торговые представители используют в речи значительно меньше высказываний филлеров. Отметим, что в речи всех торговых представителей зафиксированы филлеры-жалобы, в то время как только у успешных преобладают филлеры-рассказы о жизни и ксенонарративы [5], а у менее успешных — филлеры-советы. Интересно, что, в целом, филлеры менее успешных торговых представителей чаще оцениваются моделями как нейтральные и позитивные, а успешных — как нейтральные и негативные. Мы связываем это с типичным жанром филлеров — рассказы о жизни обычно связаны с негативными событиями. Также компьютерный эмоциональный анализ позволил выявить типичные эмоции для каждого из филлеров. Стоит заметить, что для более успешных торговых представителей характерен более широкий эмоциональный спектр: это и злость, и радость, и страх, и удивление — в то время как для менее успешных торговых представителей модель определяла отсутствие эмоций или, например, растерянность.

Литература:

1. Radford, A., Kim, J. W., Xu, T., Brockman, G., Mcleavey, C., Sutskever, I. Robust Speech Recognition via Large-Scale Weak Supervision. Proceedings of the 40th International Conference on Machine Learning, 2023.
2. Модель Whisper, URL: <https://github.com/openai/whisper> (Дата обращения: 20.02.2024).
3. Модель Rubert, URL: <https://huggingface.co/blanchefort/rubert-base-cased-sentiment> (Дата обращения: 20.02.2024).
4. Модель Aniemore, URL: <https://github.com/aniemore/Aniemore> (Дата обращения: 20.02.2024).
5. Вайс Д. Депутаты любят цитаты // Русистика сегодня. Вып. 5. Проблемы речевого общения. М.: Флинта-Наука, 2012. С. 64–75.

Глагольный гендиадис в семитских языках в оптике сериальной глагольной конструкции¹

Кондратьева Виолетта Владимировна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

kondratieva.violetta2019@gmail.com

К частотным явлениям в семитских языках относится т.н. глагольный гендиадис, т.е. употребление двух глаголов, действующих как единый предикат². Например, в аккадском: *uddad-ma illik* “быстро пошел”³ (RIME E4.6.8), древнееврейском: *wa-ttəmahēr hā-’iššā wa-ttāroš* “и поспешила женщина”⁴ (Jud 13:10), или арабском: *qāmū taqātalū* “они (двое) начали драться друг с другом”⁵ (Rubin, 2005:130-133). Компоненты глагольного гендиадиса могут быть соединены союзом (как в аккадском посредством союзной клитики *-ma* или в еврейском посредством союза *-wə*) или просто соположены (т.н. асиндетический гендиадис). Переводить такие конструкции лучше всего деепричастным оборотом или с помощью наречия (нередко выражается аспектуальность).

Функционально и семантически глагольный гендиадис очень близок к тому, что в лингвистике принято называть сериальной (глагольной) конструкцией⁶. В семитологии такого рода конструкции трактовались по-разному⁷ и были предметом исследования лишь в качестве феномена, выраженного в отдельно взятом семитском языке. На сегодняшний день среди семитологов нет единого мнения относительно того, следует ли терминологически сближать два понятия – сериальная глагольная конструкция и гендиадис: зачастую второй глагол сериальной глагольной конструкции может быть “семантически ограниченным”⁸, что не верно в случае гендиасных конструкций в семитских языках. Более того, термин “гендиадис” в семитологии традиционно применим в первую очередь к именным категориям⁹.

Проблемным местом как в лингвистике в целом, так и в семитологии в частности также является широта понятия “финитности”¹⁰. Во многих языках (семитских в т.ч.) масдар (глагольное имя) и инфинитивы, категории априори нефинитные, могут брать на себя “финитную” функцию, чаще всего выступая в качестве императивов. При этом, важно отметить, что в обоих типах глагольных конструкций – и в гендиадисе, и в сериальной конструкции – наблюдается потеря финитности у первого глагола в результате его грамматикализации или лексикализации в сторону наречия или конверба, а иногда и частицы. Этот аспект особенно релевантен для данного исследования, т.к. при переводе гендиадисных (сериальных) глагольных конструкций зачастую возникает трудность в осмыслении первого элемента: в некоторых случаях один из сериальных глаголов

¹ Построение типологии полисемии с применением частично-автоматизированной системы кросс-языковой идентификации семантических переходов (по гранту РФФ 22-18-00586): https://rscf.ru/prjcard_int?22-18-00586&ysclid=lustdlrvvo531661605.

² Подр. см., например, Huebnergard, 2011:125.

³ Букв. ‘заострил и пошел’.

⁴ Букв. ‘поспешила и побежала’, т.е. быстро побежала.

⁵ Букв. ‘встали, чтобы подраться’.

⁶ Подр. см. Aikhenvald, 2006.

⁷ Краус (1987) называл их *Koppelungen* (соединения); Буччеллати (1996) использовал термин *coordinate adjunction* (сочинительная адьюнктивация); Ламбдин (1973) и Хюнергард (1997, 2005, 2011) связывали понятие гендиадиса, прежде всего, с конкретными глаголами.

⁸ Aikhenvald, 2006:3, 21, 27, 45-46, в т.ч. про “грамматическую ограниченность” (Durie, 1997). В связи с этим выделяются асимметричная и симметричная глагольные сериальные конструкции, см. подр. Aikhenvald, 1999a, Durie, 1995, 1997 (‘unbalanced’ constructions).

⁹ Например, применительно к арабскому языку Woidich, 2002; также см. Versteegh, 2003–2005, 2009, для глаголов использует термин “сериализация”.

¹⁰ Проблема, в частности, касается аккадского статива и эфиосемитского конверба.

грамматикализуется, становится своего рода грамматическим маркером (co-verb), подобным адлогу¹.

Задачей исследования является доказательство наличия функциональной и структурной схожести двух конструкций путем анализа конкретных текстовых примеров (в т.ч. собранных лично), их грамматической структуры и синтаксиса. Доклад рассмотрит глагольный гендиадис в ряде семитских языков в типологической перспективе, используя теорию грамматикализации и расценивая данное языковое явление, как сериальную конструкцию. Основная часть доклада будет посвящена лексической типологии: какие классы глаголов чаще всего занимают слоты в гендиадисной конструкции, какие из них в большей степени подвержены грамматикализации и т.п. Целью исследования является рассмотрение вопроса о правомерном применении термина гендиадис к тем языковым особенностям, которые встречаются в семитских языках. Также, представляется возможным оценить использование термина (и последствия такого использования) для дальнейшего изучения данного феномена в рамках семитологической дисциплины.

Несмотря на некоторые формальные расхождения между сериальной глагольной конструкцией и гендиадисом, проведенное исследование наглядно демонстрирует, что первый глагол обеих конструкций семантически первичен, т.е. дополняет или ограничивает значение второго; тогда как второй глагол является главным (или векторным), маркируя видовременные категории, род, лицо и число. Предварительно можно заключить следующее: феномены схожи по своей формальной структуре (чаще всего глагол + глагол без маркеров синтаксической зависимости) и по функции, которую они призваны выполнять (выражение сопутствующего действия или концептуализация единого события).

Литература:

Скородумова, П., 2011. Сериальные конструкции с глаголом qām (вставить) // Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике «Язык иврит: исследования и преподавание» (г. Москва, 2011г.). Москва: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», Т. 5. Вып. 38 / под ред. Е.Б. Марьянчик, Ю.Н. Кондракова. – С. 5-12.

Aikhenvald, A. Y., 2006. Serial Verb Constructions. A Cross-Linguistic Typology. / Oxford, Oxford University Press.

Buccellati, G., 1996. A Structural Grammar of Babylonian, Wiesbaden, Harrassowitz.

Durie, M., 1997. Grammatical structures in verb serialization. / Stanford: CSLI, pp. 289–354.

Edzard, L., 2014. The finite–infinite dichotomy in a comparative Semitic perspective. Five teaching modules Recent developments in Semitic and Afroasiatic linguistics (Addis Ababa University, March 10–14, 2014). / Oslo, University of Erlangen-Nürnberg and University of Oslo, pp. 1-17.

Haspelmath, M., 1995. Converbs in Cross-Linguistic Perspective. / Berlin, Mouton de Gruyter.

Huehnergard, J., 2011. A Grammar of Akkadian (3rd ed.). / Winona Lake, Indiana, Eisenbrauns.

Kraus, F. R., 1987, Sonderformen akkadischer Parataxe: Die Koppelungen (Mededelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen, Afd. Letterkunde, Nieuwe Reeks, Deel 50 – No. 1), Amsterdam, North Holland.

Lambdin, T. O., 1973. Introduction to Biblical Hebrew. London: Darton, Longman and Todd Ltd.

Rubin, A. D., 2005. Studies in Semitic Grammaticalization. / Brill.

Wasserman, N., 2002. Style and Form in Old-Babylonian Literary Texts. / Brill.

¹ Полукалька с англ. adposition (включает предлоги и послелого), подр. Haspelmath, 1995:37.

Испанский язык в Северной Африке: зоны языкового контакта и билингвизма

Корчуганова Анастасия Александровна

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия
ankor-01@mail.ru*

Распространение испанского языка в Северной Африке имеет очаговый характер.

Цель работы – выделить зоны распространения испанского языка в Северной Африке и охарактеризовать ситуацию языкового контакта в них. В качестве источника данных привлекалась официальная ежегодная статистика Института Сервантеса «El español en el mundo» («Испанский язык в мире») за 2018-2023 гг. [11]. Теоретическая база исследования представлена преимущественно трудами зарубежных социолингвистов [3–6; 8–10] ввиду отсутствия фундаментальных работ по теме в отечественной литературе.

В результате мы выделили крупнейшие зоны распространения испанского языка в Северной Африке:

1. Испанские полуэсклавы Сеута (83 тыс. жителей) и Мелилья (85 тыс. жителей). Здесь испанский контактирует с диалектами арабского языка [8; 10] и имеет статус официального.
2. Марокко. В стране наблюдается мультилингвизм: испанский контактирует с классическим арабским, французским, английским и диалектами берберского, в частности тамазигхтом, имеющим статус официального [1]. Более 1,5 млн. марокканцев владеют испанским, однако число изучающих его сократилось с 82 до 58 тыс. человек за последние 5 лет [11], что можно связать с ситуацией «языкового конфликта» [5]. Сфера использования испанского языка сводится к семейному общению.
3. Западная Сахара. Наименее изученный регион ввиду осложненной политической ситуации [2]. Долгое время Западная Сахара не была включена ни в одну статистику. Согласно последним данным, здесь проживает около 22 тыс. человек, владеющих испанским языком как вторым. [11]. Испанский в Западной Сахаре контактирует с диалектом арабского языка под названием хассания. Испанский язык – символ колониальной эпохи страны, до сих пор борьбу за его сохранение здесь ведут равнодушные деятели в области образования и литературы [4].
4. Алжир. Испанский язык в Алжире контактирует с алжирским и классическим арабским, диалектами берберского, французским и английским языками [1]. По данным на 2023 г., носителями испанского языка являются 175 тыс. алжирцев, еще 48 тыс. владеют им на некотором уровне [11]. Однако ослабление контактов между Испанией и Алжиром приводит к тому, что сфера использования языка ограничивается преимущественно системой образования.

В современной классификации формы существования испанского языка в Марокко, Западной Сахаре и Алжире считаются территориальными диалектами, поскольку они не располагают собственной литературной нормой, употребляются ограниченным количеством населения и в ограниченных сферах коммуникативного взаимодействия.

Таким образом, мы можем разделить выявленные зоны языкового контакта на те, где испанский язык функционирует активно (Сеута и Мелилья), утрачивает свое значение и служит носителем исторического наследия (Марокко) [7], а также играет важную роль в системе образования [3–4] и служит средством самоидентификации отдельных социальных групп [2] (Западная Сахара, Алжир).

Полученные выводы могут быть использованы при составлении социолингвистического профиля испанского языка и позволяют охарактеризовать языковую ситуацию в Северной Африке, где языковые контакты являются неотъемлемой частью исторического развития региона.

Литература:

1. Дагбаева О.И. Особенности языковой ситуации в странах Северной Африки // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2015. – №1. С. 55–59.
2. Корчуганова А.А. Испанский язык в САДР: история и современность // Восточный калейдоскоп. Материалы докладов и сообщений II Всероссийской студенческой научно-практической конференции. – 2021. – С. 150–155.
3. Abdelkader, K. El español en la enseñanza universitaria argelina // ALTRALANG. – 2020. – №2. – P. 226–233.
4. Awah B.M., Moya C. El porvenir del español en el Sahara Occidental. – Bubok: Autoedición, 2009. – 131 p.
5. Bouziane, A. Moroccan students' attitudes towards local and foreign languages: the role of self-directed and language policy forces // *English Studies at NBU*. – 2020. № 2. – P. 295–320.
6. Chahhou, K. The status of languages in post-independent Morocco: Moroccan national policies and Spanish cultural action. – New York: CUNY Graduate Center, 2014. – 215 p.
7. Korchuganova, A.A., Liholetova L. The rise and fall of the Spanish language in Morocco // Восточный калейдоскоп. Материалы докладов и сообщений III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых-востоковедов с международным участием. – 2023. – P. 275-278
8. Molina Martos, I. Sociolingüística del español en el Norte de África // Sociolingüística del español. – Madrid: Liceus, Servicios de Gestión y Comunicación, 2006. – 29 p.
9. Moreno-Fernández, F. El español en el norte de África (con especial referencia a Argelia) // La lengua y la literatura españolas en África. – 1998. – P. 187–202.
10. Sayahi, L. España ante el mundo: Spain's colonial language policies in North Africa // TRANSMODERNITY: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World. – 2015. – №5(3). – P. 63–75.
11. El español en el mundo. Anuario del Instituto Cervantes. URL: <https://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/> (дата обращения: 10.02.2024).

Children's perception of the Russian letters in the parafoveal area

Корженевская Александра Юрьевна

Korzhenevskaya Alexandra

HSE University; Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russia

krozhhik5@yandex.ru

Староверова Владислава Николаевна

Staroverova Vladislava

HSE University, Moscow, Russia

staroverovavlada@yandex.ru

Reading refers to the processing of letters in both the foveal and parafoveal areas. It was demonstrated in previous research that differences in visual processing, including parafoveal processing, affect the reading process [Bosse & Valdois 2009]. The current study is aimed at estimating the letter recognition in the parafoveal area as well as examining the correlation between it and reading skills in primary school children.

We tested 38 Russian-speaking schoolchildren from grades 2 and 3 ($M_{age} = 8.5$, $SD = 0.6$) using an eye-tracking system EyeLink Portable Duo, with a sampling rate of 1000 Hz. To present letters, we used a monospaced serif font Courier New. We asked children to name aloud letters that were presented in the parafoveal area (within 3° of the visual angle) on the right and left sides of the screen. All answers were recorded on a voice recorder.

Statistical analysis was performed in R [R Core Team 2023]. According to our analysis, letter naming accuracy was 56%. The constructed confusion matrix (Figure 1) illustrated that letters with semicircular (p, c, ф, в) and diagonal elements (x, ж, к, y) were best recognized. We found that schoolchildren were more successful in recognizing letters presented on the right side than on the left side of the screen ($p < 0.001$). We found an average correlation ($r = 0.49$, $p < 0.01$) between the accuracy of letter recognition and reading speed, estimated with the Standardized Assessment of Reading Skills (SARS) [Kornev & Ishimova 2010].

Процедура сбора и разметки мультимодального корпуса эмоциональной речи

Куликова Елизавета Романовна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
erkulikova@edu.hse.ru*

Источник финансирования: тезисы подготовлены по материалам проекта «Текст как Big Data: методы и модели работы с большими текстовыми данными», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году.

Мультимодальный корпус – важный инструмент изучения эмоциональной коммуникации в мультимодальном аспекте. Русскоязычные корпуса эмоциональной речи пока немногочисленны. К тому же не существует единого подхода к их сбору и разметке. В связи с этим **целью** нашего исследования является разработка и апробация процедуры сбора и разметки корпуса естественной эмоциональной речи.

Разработанная нами процедура сбора материала опирается на исследования методов провоцирования эмоциональных состояний [1, 2, 3]. Хотя данные методы широко известны в психологии, в прикладной лингвистике они применяются редко. Согласно инструкции, участникам предлагается вспомнить историю из жизни, в которой они испытывали одну из заданных эмоций (в следующем порядке: радость, удивление, злость, страх, грусть, отвращение), и рассказать о ней. Рассказ записывается на видео. Данный метод позволяет соблюсти баланс между естественностью полученных данных и контролируемостью условий.

Для собранных данных предлагается система мультимодальной эмоциональной аннотации: видеозаписи нарративов делятся на фрагменты на основе просодии говорящего, затем оценивается степень выраженности в них шести эмоций по шкале от 1 до 5. Такая шкала разметки позволяет учесть, что одно высказывание может выражать несколько эмоций, т. к. даже при направленном характере процедуры сбора материала естественные эмоциональные состояния не возникают изолированно [4]. Другая особенность аннотации заключается в том, что каждый фрагмент получает 4 отдельные эмоциональные оценки: для текста, аудио, изображения и всего мультимодального фрагмента.

С использованием описанной процедуры собран корпус эмоциональных нарративов 10 участников, общая длительность – 180 минут. Выполнена разметка 60 фрагментов в двух условиях – когда разметчикам (16 человек: по 8 на каждое условие) доступен и не доступен полный контекст аннотируемого фрагмента. Оценка степени согласия между разметчиками (по Finn's coefficient) позволила сделать предварительный вывод о большей согласованности при разметке без контекста.

Литература:

1. Fakhrhosseini S. M., Jeon M. Chapter 10 – Affect/Emotion Induction Methods // Emotions and Affect in Human Factors and Human–Computer Interaction / Ed. by Jeon M. Academic Press, 2017, P. 235–253.
2. Martin M. On the induction of mood // Clinical Psychology Review. 1990. №10(6). P. 669–697.
3. Westermann R., Spies K., Stahl G., Hesse F. W. Relative effectiveness and validity of mood induction procedures: a meta-analysis // Eur. J. Soc. Psychol. 1996. №26. P. 557–580.
4. Polivy J. On the induction of emotion in the laboratory: discrete moods or multiple affect states? // J. Pers. Soc. Psychol. 1981. №41(4). P. 803–817.

Жесты при афазии: качественный анализ.

Лукьянова Таисия Павловна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия*

tasyalukyanova13@gmail.com

Введение.

Преыдушие исследования жестикуляции при афазии, использовавшие количественные методы и проводившие статистический анализ, показывали противоречивые результаты. Целью данного исследования является провести качественный анализ и описание жестов пациентов на небольшой выборке, позволяющий подробно изучить паттерны кинетического поведения людей с афазией.

Материалы.

Материалом исследования стал корпус видеозаписей Russian CliPS (Khudyakova et al. 2016), где пациенты пересказывают 6-минутный “Фильм о грушах” (Chafe, 1980). Для исследования случайным методом было выбрано 4 пациента: БТВ (жен., 40 лет) и КМП (жен., 68 лет) с акустико-мнестической афазией; ИАП (муж., 57 лет) и КАВ (муж., 50 лет) с комплексной моторной афазией.

Анализ.

Анализ видеозаписей проводился в ELAN по упрощённой системе аннотации, разработанной Литвиненко (Litvinenko et al., 2018), основываясь на классификации жестов Николаевой (2005).

Помимо слоёв для обозначения фаз жестов, движений рук и их кластеров, мы использовали 5 независимых слоёв для обозначения наличия/отсутствия (1/0) функциональных компонентов жеста (указательный, изобразительный, бит, ритмический, прагматический). Последнее было сделано в силу того, что, на наш взгляд, жесты могут неоднозначно относиться к одному функциональному типу, совмещая в себе несколько компонентов, что важно учитывать при анализе.

Результаты.

Наряду с частными наблюдениями, в ходе анализа были выявлены общие для субтипов афазии черты кинетического поведения. В частности, пациенты с моторной афазией (ИАП и КАВ) использовали большое количество битов и простых, несформированных прагматических жестов. Этот результат соотносится с наблюдениями Кшняскиной, Худяковой и Драгой (2018), которые выявили у таких пациентов большое количество указательных жестов. Этот паттерн можно связать с тем, что такие жесты не требуют комплексной моторной программы, поэтому проще всего для пациентов с нарушениями на моторном уровне.

Пациенты с акустико-мнестической афазией (БТВ и КМП) производили много изобразительных и прагматических жестов в ситуациях затруднённого лексического доступа и для регулировки речи. Похожие наблюдения уже были сделаны для пациентов с афазией вообще (De Beer, 2012; Sekine, Rose, Foster, Attard, & Lanyon, 2013). Стоит отметить, что паттерны кинетического поведения также могут зависеть от степени тяжести и периода заболевания.

В целом, исследование показало, что при анализе кинетического поведения стоит использовать качественный, а не количественный анализ в силу большой неоднозначности таксономии жестов и индивидуальных особенностей.

Литература:

Кшняскина, Худякова, Драгой, 2018 – Кшняскина В. В., Худякова М. В., Драгой О. В. Роль жестикуляции в преодолении трудностей лексического доступа у пациентов с моторной афазией. // Вопросы языкознания, 1, 2018. С. 64 – 75.

Николаева 2005 — Николаева Ю. В. Иллюстративные жесты в устном дискурсе (типы, функции, коммуникативное поведение) // Московский лингвистический журнал, 8(2), 2005. С. 89 – 117.

De Ruiter & De Beer 2013 – de Ruiter J. P., de Beer C. A critical evaluation of models of gesture and speech production for understanding gesture in aphasia. // Aphasiology, 27 (9), 2013. P. 1015-1030.

Khudyakova, M., Bergelson, M., Akinina, Y., Iskra, E., Toldova, S., & Dragoy, O. (2016, June).

Russian CliPS: a corpus of narratives by brain-damaged individuals. In Workshop Title Resources and Processing of Linguistic and Extra-Linguistic Data from People with Various Forms of Cognitive/Psychiatric Impairments (RaPID-2016) (p. 22).

Litvinenko et al. 2018 – Litvinenko A., Kibrik A., Fedorova O., Nikolaeva J. Annotating Hand Movements in Multichannel Discourse: Gestures, Adaptors and Manual Postures. // The Russian Journal of Cognitive Science, 5 (2), 2018. P. 4 – 17.

Sekine, Rose, Foster, Attard, & Lanyon 2013 – Sekine K., Rose M. L., Foster A. M., Attard M. C., Lanyon, L. E. Gesture production patterns in aphasic discourse: In-depth description and preliminary predictions. // Aphasiology, 27(9), 2013. P. 1031 – 1049.

Examining the Accuracy and Consistency of Teacher and ChatGPT-4 Grading EFL Students' Reports: A Comparative Analysis

Луцкая Наталья Алексеевна
Lutskaia Natalia

HSE University, Moscow, Russia
nasimakova@edu.hse.ru

Мурашов Леонид Максимович
Murashov Leonid

leo.murashov@gmail.com
Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow, Russia

Introduction

A comparative analysis of the assessment of students' reports by a teacher and ChatGPT-4 is a relevant topic in the modern education.

Teaching and learning methods, and teacher training have undergone revolutionary changes' (UNESCO, 2023). Integrating AI language models into reports assessment firstly, can simplify and speed up grading, freeing up teachers' time, secondly, leads to objectivity and standardization of assessments. In addition, the use of AI for the initial assessment of work can help identify common errors and gaps in students' knowledge, directing the efforts of teachers to adjust and improve the educational process.

RQ1: How do teacher grades compare with ChatGPT-4 grades in terms of accuracy?

RQ2: Whose feedback is more completed and more detailed for learners?

Literature review

Assessment requires accuracy and consistency, crucial for grading and feedback. Effective prompt crafting involves some strategies: providing clear instructions, reference materials, task simplification, external tool integration, and testing changes systematically. (OpenAI, 2023; González-Calatayud, Prendes-Espinosa, & Roig-Vila, 2021; The e-Assessment Association, 2024). As for the feedback, it should be dynamic, behaviour specific, timely, interactive, constructive (Oblior, 2023).

Methods

Materials are provided by Strognieva Olga Nikolaevna, HSE professor. We worked with 40 reports by EFL language learners on management. We asked GPT-4 to check works using criteria (Task Response, Coherence and Cohesion, Lexical, Resource and Register, Grammatical Range and Accuracy, Level/task specific criteria), task, assessment samples, and Prompt. We got mistakes highlighted and explained, table filled with points on criteria and feedback provided. We relied on Triangulation Approach. Statistical methods (Confusion Matrices and Mean, Median Marks), Content Analysis of Feedback, and Comparative Analysis of teacher's and GPT-4 performance. We used Python to automate assessment process by feeding prompts into OpenAI API, processing output text and loading results back into Google Spread Sheet as a table.

Results

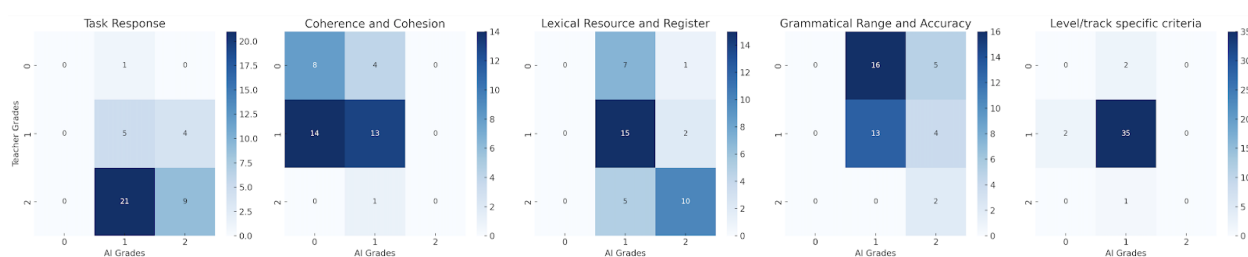
Figure 1. Mean Mark

Criteria	Marks	Teacher's mean mark	ChatGPT-4 mean mark	Max possible mark
Task Response		2,73±0,51	2,33±0,47	3
Coherence and Cohesion		1,73±0,51	1,45±0,50	2
Lexical Resource and Register		1,18±0,75	1,33±0,47	2
Grammatical Range and Accuracy		0,50±0,55	1,28±0,45	2
Level/track specific criteria		0,98±0,28	0,95±0,22	1
Total Mark		7,10±1,32	7,33±1,70	10

Figure 2. Median Total Mark

Teacher's median mark	ChatGPT-4 median mark	Max Possible Mark
7	6	10

Figure 3. Confusion Matrices for Teacher's and GPT-4's Assessments, points comparison

References:

1. OpenAI. (2023). GPT-4. Retrieved from <https://openai.com/research/gpt-4>
2. UNESCO. (2023). Odre Azule: vzat' ot II tol'ko luchshee. UNESCO Courier. Retrieved February 22, 2024, from <https://courier.unesco.org/ru/articles/odre-azule-vzyat-ot-ii-tolko-luchshee>
3. The e-Assessment Association. (2024). AI in educational assessments: Balancing innovation with responsibility. Retrieved from <https://www.e-assessment.com/news/ai-in-educational-assessments-balancing-innovation-with-responsibility/>
4. González-Calatayud, V., Prendes-Espinosa, P., & Roig-Vila, R. (2021). Artificial Intelligence for Student Assessment: A Systematic Review. *Applied Sciences*, 11(12), 5467. <https://doi.org/10.3390/app11125467>
5. Obilor, E. I. (2019). Feedback and Students' Learning. *International Journal of Innovative Education Research*, 7(2), 40-47. SEAH Publications. <https://www.researchgate.net/publication/343609551>

Перевернуть с головы на ноги и прочие антонимизирующие трансформации фразеологизмов

Сахоненко Анастасия Александровна

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
nastish-thing@yandex.ru*

В исследовании рассматриваются антонимизирующие трансформации, которым могут подвергаться фразеологизмы русского языка (*по зубам кому-либо – не по зубам кому-либо*), и их зависимость от структурно-семантических особенностей конкретного фразеологизма.

На первом этапе исследования было обработано около 45% от общего объёма (буквы А–К) словаря «Фразеологизмы в русской речи» А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, отражающего фразеологическое ядро русского языка и содержащего примеры употребления фразеологизмов, в частности примеры с разного вида семантическими и структурными трансформациями. После рассмотрения примеров с антонимизирующими трансформациями из словаря мы провели поиск по Национальному корпусу русского языка, включая в запрос ядерный элемент или один из его ядерных элементов фразеологизма, а также его синонимы и антонимы, зафиксированные в словаре (как потенциально наиболее частотные единицы, способные его заменять). На данном этапе исследования мы выделяем три продуктивных типа антонимизирующих трансформаций: 1. а) переход утвердительной формы в отрицательную (*подносить не тарелочке – не подносить не тарелочке*), б) переход отрицательной формы в утвердительную (*ни бельмеса не смыслить – бельмеса смыслить*); 2. трансформации по контрасту (*холодная война – горячая война*); 3. перестановка нерамочных элементов фразеологизма (*через тернии к звёздам – через звёзды к терниям*). Из них самым частотным оказался первый. С помощью трансформаций разных типов можно образовать антонимы с различающимися значениями для одного фразеологизма (*покупать kota в мешке – не покупать kota в мешке или выпускать kota из мешка*).

Наша гипотеза, включающая ряд предположений и в общем виде формулируемая как предположение о наличии зависимости между структурно-семантическими характеристиками фразеологизма и возможными для него типами трансформаций, подтвердилась. Например, фразеологизмы, содержащие одновременно финитную глагольную форму и сравнительный союз (*как с цепи сорвался*), практически никогда не сочетаются с отрицанием.

Результаты, полученные в ходе исследования, делают возможным, исходя из характеристик этого фразеологизма, предсказывать, как конкретный фразеологизм будет реально функционировать в речи носителей русского языка.

Литература:

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 02.02.2024).

Фразеологизмы в русской речи: Словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. М., 2001.

Динамика этноязыковой идентичности калмыцкой молодежи в постсоветский период

Серетыров Мерген Олегович

*Национальный Исследовательский Университет «Высшая школа экономики»
seretyrov@gmail.com*

Республика Калмыкия – это один из регионов Российской Федерации, являющийся основным местом проживания калмыцкой этнической группы. Текущая языковая ситуация в данном регионе в основном характеризуется постепенной утратой калмыцкого языка (Харчевникова, Лиджиева, 2021; Денисова, 2015). Баранова (2008: 31) выделяет такие особенности языковой ситуации в республике как анклавный характер существования калмыцкого языка, письменная форма существования языка, нарушение естественных моделей передачи языка и формирование возрастного континуума компетенции носителей.

Цель исследования – выявить наличие приверженности калмыцкому языку среди представителей калмыцкой молодежи разных возрастов. Доклад представит результаты полевой работы в городе Элиста, Республика Калмыкия. Сбор материала производился в ходе работы над выпускной квалификационной работой. Для данного исследования был выбран метод полуструктурированного биографического интервью. Всего было собрано 60 интервью: по 20 человек (10 мужчин и 10 женщин) в каждой. Они проводились с калмыками, относящихся к следующим возрастным группам: 18-25; 26-35; 36-45. Опросник включает следующие группы вопросов: 1) биографические данные респондентов, их родителей и бабушек и дедушек; 2) отношение к калмыцкому языку, уровень владения им, желание на нем говорить/учить; 3) роль калмыцкого языка в этнической идентичности; 4) преподавание калмыцкого в школах; и другие.

Полученные результаты:

- **18-25 лет:**

Для всех опрошенных этой когорты русский язык является основным языком общения, а для 4 он является родным. Также трое указали два родных (калмыцкий и русский), а остальные 14 назвали родным калмыцкий. Из этих 14 только один информант (2004 г.р.) свободно владеет калмыцким, так родился и рос в селе, где основным языком общения является калмыцкий. В основном информанты знают базовые слова и фразы, которые освоили в школе, и не могут говорить. 15 указали, что хотели бы лучше знать калмыцкий. В основном из-за того, что «язык умирает». Однако только трое действительно учат, а остальные отмечают, что им некогда заниматься калмыцким.

- **26-35:**

Данная когорта мало чем отличается от предыдущей. Для 5 родным является русский, а для 14 – калмыцкий, и только один указал два родных. Эта группа также показывает довольно слабый уровень владения калмыцким. 15 информантов хотели бы лучше знать его, и только двое пытаются учить. Остальные 5 не имеют такого желания, так как отсутствует потребность в нем. У информантов этой когорты начинает прослеживаться влияние возраста на появление интереса к калмыцкому языку и культуры в целом. Так, трое отметили, что внезапно ощутили необходимость в этнической идентификации и ее выражению через язык.

- **36-45:**

Среди этой группы калмыцкий оказался родным для 15 человек, русский – для троих, а оба этих языка – двоих. Здесь наблюдается в среднем более высокий уровень владения калмыцким среди респондентов по сравнению с двумя другими когортами. Также здесь уже 16 человек хотело бы улучшить языковые компетенции,

и 6 занимаются калмыцким. 9 информантов отметили, что желание появилось внезапно после определенного возраста.

В целом информанты имеют сильную приверженность к языку своей этнической группы и выражают желание знать и говорить на нем. Несмотря на то, что в случае большинства информантов родители или бабушек/дедушек могли передать им язык, основной язык общения в семье был русский. Наблюдается отчетливое прекращение передачи языка в семье в каждой группе.

Литература:

Баранова В. В. Языковая ситуация в Калмыкии: социолингвистический очерк // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2009. №2.

Денисова А. В. Языковая ситуация в республике Калмыкия // Теория и практика общественного развития. 2015. №24. Харчевникова Р. П.,

Лиджиева Л. А. Функционирование калмыцкого языка в образовательной сфере // Социолингвистика. 2021. №1 (5).

«Любэ» / *Queen* выступала или выступали? О вариативности смыслового согласования сказуемого

Сидорова Мария Ивановна

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
mariya.sid@gmail.com

В русском языке существует вариативность в согласовании сказуемого с подлежащим. При её изучении исследователи [Граудина и др, 1976, с. 25–31; Кувшинская, 2019; РГ, 1980, § 2245–2249 и др.] отмечают тенденцию к согласованию по смыслу (*Ряд сотрудников заявили*). И, хотя справочники допускают подобное согласование, см. напр. [Розенталь, 2016, с. 263, п. 12], многие конструкции, отвечающие той же закономерности, оказываются за рамками нормы («*Три крунур*» проиграла, но не проиграла*) [там же, с. 270].

Иногда тенденция к формально некорректному согласованию так сильна, что её можно обнаружить в материалах, подвергшихся корректорской правке, часто лишаящей текст всякой вариативности. Таковым является согласование по форме мн. ч. с именами собственными — условными наименованиями группы лиц.

Доклад отражает результаты исследования предложений, в которых подлежащими являются названия музыкальных коллективов (*Muse выступит на разогреве у ирландцев...* [ГК НКРЯ, *Muse сыграют на разогреве у U2* // Lenta, 2009]). В них, по-видимому, значение множественности для пишущего является довольно весомым фактором в выборе формы согласования. Так, сказуемое во мн. ч. встречается в половине исследуемых случаев с подлежащими — иноязычными названиями.

С помощью НКРЯ, ГИКРЯ, материалов соцсетей и примеров из корректорской практики автора исследуется согласование 7 иноязычных и 6 русскоязычных названий групп. Помимо корпусного обзора доклад содержит описание моделей корректорского выбора формы при вариативном согласовании, что редко учитывается лингвистами, несмотря на то что в материалах исследований есть тексты, подвергшиеся правке. Кроме того, анализируются другие факторы, которые могут повлиять на выбор числа предиката: порядок слов, наличие в этом же предложении адъективного согласования и характер сказуемого, однако значимых закономерностей не выявлено.

Корпусные методы показывают, что сказуемое в изучаемых предложениях имеет чёткую тенденцию к согласованию по смыслу, то есть по форме мн. ч.

Литература:

Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

Кувшинская Ю. М. Предикативное согласование со словами «ряд», «половина», «часть», «множество» в современном русском языке // Сибирский филологический журнал. — 2019. — № 2. — С. 189–215.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке // Под ред. Голуб И. Б. — 20-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2016. С. 257–274.

Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

Direct-inverse constructions in Japanese

Соломкина Наталья Алексеевна

Solomkina Natalia

Institute of Linguistics, RAS; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
nataliya.solomkina@gmail.com

The descriptions of direct-inverse systems in a number of languages [Testelets 1989; Givón (ed.) 1994; Zúñiga 2006, 2014; Jacques, Antonov 2014 inter alia] usually use a person or animacy hierarchy like *1 person > 2 person > 3 person*. Direct alignment markers are generally used when the subject is higher than the object in the hierarchy proposed for a particular language, otherwise inverse alignment markers are used. In Japanese, the term “direct-inverse alignment” is sometimes used to describe two types of constructions. The first type is benefactive constructions with the auxiliary verbs *yaru*, *ageru*, *sashiageru*, *kureru* and *kudasaru* ‘to give’ (also differing in terms of politeness). *Yaru*, *ageru* and *sashiageru* (1) are considered direct markers and *kureru* and *kudasaru* (2) are considered inverse markers [Nariyama 2003: 107; Irgens 2017: 216-257].

(1) [1→3]

watashi ga ootoo ni hon o yon-de age-ta
I NOM younger.brother DAT book ACC read-CNV give-PST
‘I read a book to my younger brother.’

(2) [3→1]

musuko ga suupu o tsukut-te kure-ta koto o omoidash-ita
son NOM soup ACC make-CNV give-PST NML ACC remember-PST
‘I remembered how my son made soup [for me].’

The second type is constructions with the cislocative auxiliary verb *kuru* ‘to come’. In this case, direct alignment does not require any special markers, and the complex converb construction with *kuru* is used for inversive alignment:

(3) [3→1]

Ken ga boku ni denwa o shi-te ki-ta
Ken ACC I DAT telephone ACC do-CNV come-PST
‘Ken made a phone call to me.’ [Shibatani 2003: 274]

In the study, we analyse the similarity of these Japanese constructions to the canonical direct-inverse systems based on corpus data from the Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese and a preliminary survey of native-speakers. Despite some common features, the person hierarchy in these Japanese constructions is sometimes violated:

(4) [2 → 3] with “inverse” auxiliary *kureru*

あなたが弟にプレゼントをくれた。

Anata ga ootoo ni purezento o kure-ta.
you NOM younger.brother DAT present ACC give-PST
‘You gave my brother a present.’ [Nariyama 2003: 111]

Our data supports the hypothesis, that the leading role in these constructions is played not by the person hierarchy, but by the hierarchy of empathy (as understood by S. Kuno and E. Kaburaki), the ability to identify with the speaker: psychologically close > psychologically distant.

Abbreviations:

ACC — accusative; CNV — converb; DAT — dative; NML — nominalizer; NOM — nominative; PST — past tense.

References:

- Givón T. 1994. Voice and Inversion. Givón T. (ed.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Irgens, B. M. 2017. Person deixis in Japanese and English. Doctoral dissertation. University of Bergen.
- Jacques G., Antonov A. 2014. Direct-inverse systems. In: Language and Linguistics Compass. Vol. 8. Pp. 301–318.
- Kuno S., Kaburaki E. 1977. Empathy and syntax. Linguistic inquiry. Vol. 8. No. 4. P. 627–672.
- Nariyama, S. 2003. Ellipsis and reference tracking in Japanese (Vol. 66). John Benjamins Publishing.
- Shibatani, M. 2003. Directional verbs in Japanese. Motion, Direction and Location in Languages. Pp.259-286.
- Testelet's Ya. G. 1989. Direct / Inverse Systems: Definition and Attempt at Typology. V. I. Podlesskaya, L. I. Kulikov (eds.). Problemy semanticheskoy i sintaksicheskoy tipologii [Problems of semantic and syntactic typology]. Moscow: Nauka, P. 135–146. (In Russian)
- Zúñiga, F. 2006. Deixis and Alignment: Inverse Systems in Indigenous Languages of the Americas. Studies in Language. John Benjamins Publishing.

Семантика и функционирование англицизмов, обозначающих негативные взаимоотношения (*абьюз, буллинг, газлайтинг, шейминг*)

Ткаченко Софья Григорьевна

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
sophia.tkachenko2002@gmail.com

Задача исследования — на основе анализа примеров из разных корпусов [НКРЯ и ГИКРЯ] установить особенности употребления неологизмов *буллинг* [Ткаченко, Борзенко 2024], *абьюз* [Ткаченко 2023b], *шейминг* [Ткаченко 2023a] и *газлайтинг* и их производных в современном русском языке: происхождение, диахронию, словообразовательные модели, смену значения, приобретение дополнительной коннотации и др.

Лексемы *abuse, bully, gaslight, shame* (noun/verb) в английском языке стали производящей базой для форм герундия: *abusing, bullying, gaslighting, shaming* [Cambridge 2008]. Интересно, что в русском языке заимствованы обе формы: *абьюз* и *абьюзинг*, *булли* и *буллинг* и др. Заимствование происходило в следующем порядке: 2002 г. — *абьюз* (*абьюзинг* — 2011 г.), 2003 г. — *буллинг* (*булли* — 2004 г.), 2011 г. — *газлайтинг* (*газлайт* — 2012 г.), 2013 г. — *шейминг* (*шейм* — 2002 г.). Каждое из заимствований впервые фиксируется в ГИКРЯ.

Самое многочисленное словообразовательное гнездо дает корень *абьюз-*: при 17 словах с ним в ГИКРЯ насчитывается 24704 примеров. На втором месте — корень *булл-*: 17 производных и 11530 примеров. Далее следуют слова с корнем *шейм-* — 2179 употреблений при 16 производных, а замыкают ряд лексемы с корнем *газлайт-* — 837 упоминаний при 13 производных.

Мы сопоставили значения лексем, зафиксированные в трех словарях ([Леонтьева, Щетинина 2021], [Дьяков 2023], [Голикова 2021]) со значениями слов, сформулированными нами на основе изученного речевого материала, и выявили особенности употребления лексем. Имеет место диффузность значения лексем: в некоторых ситуациях *буллингом*, *абьюзом*, *газлайтингом* и *шеймингом* можно назвать что угодно, к одной и той же ситуации можно применить любое из перечисленных слов. Это связано со слабой мотивированностью англицизмов для носителей русского языка. Нередки случаи ироничного использования неологизмов, что проявляется в словообразовании и контекстуальном оформлении лексем: использовании смайлов, создании мемов и др.

Литература:

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: www.ruscorpora.ru

ГИКРЯ — Генерального интернет-корпуса русского языка. [Электронный ресурс] URL: www.webcorpora.ru

Леонтьева, Щетинина 2021 — Леонтьева Т.В., Щетинина А.В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург: Ажур, 2021. 423 с.

Дьяков 2023 — Дьяков А.И. Словарь англицизмов русского языка. М.: Флинта, 2021. 1383 с.

Голикова 2021 — Голикова Т.А. Лингвокультурологический словарь заимствований современного русского языка 2000–2020 гг. М.: *Direkt-Media*, 2021. 484 с.

Ткаченко 2023a — Ткаченко С.Г. *От шейм он ми! до массового шейминга* в сети // Сборник студенческих научных работ ПСТГУ. М., 2023. С. 74–86.

Ткаченко 2023b — Ткаченко С.Г. Функционирование неологизмов с корнем *абьюз-* в современном русском языке // Материалы конференции СКИЛ-2023. М., 2023. В печ.

Ткаченко, Борзенко 2024 — Ткаченко С.Г, Борзенко Е.О. Функционирование неологизмов с корнем *-булл-* (*буллить*, *забуллить* и др.) в современном русском языке // Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции молодых ученых Санкт-Петербургского государственного экономического университета. СПб., 2024. С. 222–226.

Cambridge 2008 — Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge, 2008.

Построение классификации санскритских морфем по *seṭ/aniṭ*

Толчельников Иван Евгеньевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
vanishtax@gmail.com

Традиционно (в системе Панини) считается, что соединительная *i* вставляется между суффиксами на согласный (кроме *y*) и некоторыми глагольными корнями. Те корни, после которых наличие *i* обязательно называются *seṭ*, недопустимо – *aniṭ*, допустимо – *veṭ*.

Проблемы:

1. Соединительная *i* возникает и между постфиксами; для построения полного описания санскритской грамматики необходимо включить суффиксы в классификацию по *seṭ/aniṭ*.

2. Признак *veṭ* неясен. Если принять, что морфема *veṭ* во всех случаях образует две равно допустимые формы (с *i* и без нее), порождаются очевидно невозможные слова. Необходимо произвести более точное деление внутри *veṭ*.

Материалы и итоги работы:

1. На основании работ W.D. Whitney и DCS были выведены правила, регулирующие постановку соединительных *i/ī* между суффиксами и между суффиксами и окончаниями. Описать постановку *i/ī* между корнями и окончаниями пока не удалось.

2. Были уточнены условия постановки *i* между корнем и суффиксом: *i* никогда не возникает перед суффиксами аориста и суффиксами на *y* и *n* (решение проблемы 1).

3. В группы *seṭ* и *aniṭ* были включены как глагольные корни, так и некоторые суффиксы; в группу *veṭ* – только глагольные корни.

4. По указаниям из статьи А.А. Зализняка было осуществлено деление группы *veṭ* на 6 подтипов: «чистый» *veṭ* всегда образует две равно допустимые формы; остальные 5 подтипов *veṭ* имеют ограничение на образование формы с *i* или без нее при определенных суффиксах, что не позволяет генерировать избыточные словоформы (решение проблемы 2).

Результаты:

На основании этого были составлены списки глагольных корней и суффиксов, для большей части которых была определена их характеристика *seṭ/aniṭ*. Среди ≈800 глагольных корней для ≈100 это сделать не удалось в силу недостатка засвидетельствованных словоформ. Также не имеет смысла определять эту характеристику для суффиксов, после которых невозможна постановка другого суффикса.

Это исследование стало частью проекта по разработке модели санскритской морфологии на основе подхода из указанной статьи А.А. Зализняка (<http://sanskrit.anshir.ru/>).

Литература:

Зализняк А.А. Морфонологическая классификация древнеиндийских глагольных корней // Очерки по фонологии восточных языков / Отв. ред. Т.Я. Елизаренкова – Москва: Наука, 1975 – с. 59-85.

An Analytical Cross Referenced Sanskrit Grammar [Электронный ресурс] / Warnemur L. – Электрон. дан. – Lund, 2005. – Режим доступа: <http://www.warnemur.com/skrgram/index.html>, свободный. – Загл. с экрана.

DCS – Digital Corpus of Sanskrit [Электронный ресурс] / Hellwig O. – Электрон. дан.
– Berlin, 2010. – Режим доступа: <http://www.sanskrit-linguistics.org/dcs/index.php>, свободный.
– Загл. с экрана.

Renou L. Terminologie grammaticale du sanskrit // Renou L. – Paris, H. Champion, 1957.
– 541 p.

Глагольная интеррогативность в языках Восточной Африки

Д. А. Тверяков

РГГУ, Москва

В языках мира вопрос — конструкция с достаточно сложным иллокутивным значением, которое может выражаться разными средствами, в том числе как морфологическая глагольная категория (вербант); далее мы будем пользоваться понятием “глагольная интеррогативность” (ГИ). Ср. характерное противопоставление декларативной и вопросительной формы глагола ‘приходить’ в языке маале (> омотские): mukk-é-ne ‘come-PFV-DCL’ vs. mukk-íya ‘come-PFV:Q’ [Amha 2017: 837-838].

Типология средств выражения вопроса в целом остается слабо разработанной; из существующих подходов к этой теме можно отметить [Siemund 2001, Dryer 2005a,b,c, Hölzl 2017]. Еще меньше внимания привлекала глагольная интеррогативность, которая встречается редко; но ср. [Arkadiev 2020, Köhler 2013, 2015].

В докладе мы рассматриваем это явление на материале языков Восточной Африки (далее ВА) — это регион, обладающий большим языковым разнообразием, в котором активно контактируют омотские, кушитские, эфиосемитские, восточносуданские, команские, гумузские и др. группы языков [Ferguson 1970; Bisang 2006]; некоторые языки ВА, прежде всего омотские, уже отмечались как локус ГИ [Amha 2017, Meyer et al. 2023].

ГИ встречается далеко не во всех языках ВА и обнаруживает значительную вариативность способов выражения. Во всех случаях, однако, ГИ тесно интегрирована в глагольную парадигму и нетривиальным образом взаимодействует с другими глагольными категориями. Из наиболее существенных особенностей, на которые мы хотели бы обратить внимание в докладе, отметим так называемый “маркированный аффирматив” (и, соответственно, нулевое маркирование интеррогатива; ср. [Kölher 2013, 2015]). С другой стороны, подробного исследования заслуживает категориальный статус ГИ – в языках ВА мы чаще всего находим “зонтичную” грамматическую категорию иллокутивности, в качестве грамем которой могут выступать, наряду с интеррогативностью и аффирмативностью (декларативностью), также, например, императив, отрицание, будущее время и некоторые другие.

В докладе мы предлагаем предварительную классификацию типов систем ГИ. Особый интерес представляет тот факт, что грамматическая категория иллокутивности взаимодействует с категорией реальности ситуации: так, в одних языках вопросительные конструкции маркируются как реальные (гумер < эфиосемитские), в других (шеко < омотские) выражение вопроса связано с ирреалисом, в третьих (северный мао < омотские) возможны обе стратегии.

Библиография:

- Amha, Azeb. 2017. The Omotic Language Family // A. Aikhenvald & R. Dixon (eds.), *The Cambridge Handbook of Linguistic Typology*, 815-853. Cambridge: Cambridge University Press.
- Arkadiev, Peter M. 2020. Syntax in morphological guise: Interrogative verbal morphology in Abaza // *Linguistic Typology*, 24:2, 211-251.
- Bisang, Walter. 2006. Linguistic Areas, Language Contact and Typology: Some Implications from the Case of Ethiopia as a Linguistic Area // Yaron Matras, April M. S. McMahon & Nigel Vincent (eds.), *Linguistic areas: convergence in historical and typological perspective*, 75–98. New York: Palgrave Macmillan.

- Dryer, Matthew S. 2005a. Position of polar question particles // Matthew Dryer, Martin Haspelmath, David Gil & Bernard Comrie (eds.), *World atlas of language structures*, 374–377. Oxford: Oxford University Press.
- Dryer, Matthew S. 2005b. Position of interrogative phrases in content questions // Matthew Dryer, Martin Haspelmath, David Gil & Bernard Comrie (eds.), *World atlas of language structures*, 378–381. Oxford: Oxford University Press.
- Dryer, Matthew S. 2005c. Polar questions // Matthew Dryer, Martin Haspelmath, David Gil & Bernard Comrie (eds.), *World atlas of language structures*, 470–473. Oxford: Oxford University Press.
- Ferguson, Charles A. 1970. The Ethiopian language area // *Journal of Ethiopian Studies* 8:2, 67–80.
- Hölzl, Andreas. 2017. *A typology of questions in Northeast Asia and beyond: An ecological perspective*. Berlin: Language Science Press.
- Köhler, Bernhard. 2013. Interrogative zero-marking in some Omoto languages // Marie-Claude Siméole-Senelle & Martine Vanhove (eds.), *Proceedings of the 5 International Conference on Cushitic and Omotic Languages*, 145–166. Köln: Köppe.
- Köhler, Bernhard. 2015. *Form und Funktion von Fragesätzen in afrikanischen Sprachen*. Berlin: Peter Lang.
- Meyer, Ronny, Bedilu Wakjira, and Zelealem Leyew (eds). 2023. *The Oxford Handbook of Ethiopian Languages*. Oxford: Oxford University Press.
- Siemund, Peter. 2001. Interrogative constructions // Martin Haspelmath, Ekkehard König, Wulf Oesterreicher & Wolfgang Raible (eds.), *Language typology and language universals: An international handbook*, vol. 2, 1010–1028. Berlin: Mouton de Gruyter.

Дифференцированное маркирование объекта в осетинских переводах художественной литературы: фактор прото-роли

О. В. Тужик

Института языкознания РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики», Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
tuzhik@iling-ran.ru

Как и во многих иранских языках, ДОМ присутствует и в осетинском, где выбор производится между номинативом (немаркированная форма) и генитивом:

- (1) *Зауыр тынг уарз-ы гæды-тæ/гæды-т-ы.*
Заур очень любить-PRS.3SG кошка-PL/кошка-PL-GEN
'Заур очень любит кошек.' [Сердобольская 2020]

В грамматиках ([Абаев 1959], [Thordarson 2009] и др.) выделяются одушевлённость, определённая, личность, специфичность как факторы, влияющие на маркирование ПД.

В [Сердобольская 2020] было установлено, что основным фактором является одушевленность. Неодушевленные ПД не маркируются. Для лексических классов «люди» и «животные» релевантен референциальный статус и «индивидуализированность» (см. схему 1), однако это понятие не разбирается детально. В другой работе Н. В. Сердобольской, посвящённой ДОМу в бесермянском удмуртском, приведена следующая трактовка индивидуализированности (перевод мой – О. Т.): «с фермерскими животными взаимодействие часто осуществляется в группах, где не выделяются конкретные участники, в то время как дикие животные часто появляются поодиночке» [Serdobolskaya 2020: 291].

	Только GEN (*NOM)	GEN/NOM	NOM
Люди	определенные, генерические, атрибутивные	универсальные, слабо определенные, неопределенные, экзистенциальные	
Животные индивид.	определенные, атрибутивные	генерические, универсальные, слабо определенные, экзистенциальные	неопределенные
Животные неиндивид.		определенные, генерические, универсальные, слабо определенные	экзистенциальные, неопределенные

Схема 1. Маркирование ПД [Сердобольская 2020].

Наши наблюдения показывают, что в осетинском языке класс животных действительно неоднороден, однако мы предполагаем, что одна и та же лексема в позиции

ПД может маркироваться по-разному в зависимости от другого фактора, а именно от прото-роли, или степени агентивности участника в позиции ПД. Мы опираемся на детальную классификацию агентивных и пациентивных признаков в работе [Dowty 1991: 572]. В этой работе предлагается использовать только две семантические роли для выбора аргументов: прото-агенса и прото-пациенса, которые характеризуются набором из 5 соответствующих признаков. Так, агентивность раскладывается на волитивность, восприятие, каузацию, движение, независимое существование. Прото-пациент же претерпевает изменения, может являться инкрементальной темой [Dowty 1991: 566-571], вовлечен в событие вследствие действий другого участника, неподвижен относительно другого участника и не существует независимо от ситуации. Класс животных включает в себя неличные одушевленные существительные, которые могут концептуализироваться и как практически неодушевленный объект (например, пища), и как живой объект, наделенный волитивностью, способностью к восприятию и т.д. Вследствие описанной двойственности класс животных может быть подвержен влиянию фактора агентивности. В данной работе не рассматривается класс людей и класс неодушевленных предметов, однако анализ других данных ([Сердобольская, Тужик 2024]) показывает, что агентивность может быть важна для класса людей при некоторых референциальных статусах.

Исследование проводилось на материале осетинских переводов 9 художественных произведений (см. Материалы).

Нами были найдены 77 контекстов с ПД, выраженным существительным, обозначающим какое-либо животное.

Вслед за [Primus 2011:75] в настоящей работе предполагается, что маркер ДОМа (в случае осетинского языка – окончание *-ы*) лицензируется объектом, чьи внутренние свойства определяют его как прото-агенса в ситуации, обозначаемой предикатом. Таким образом, считается, что участник в позиции ПД имеет роль прото-агенса, если количество его агентивных свойств больше или равно количеству пациентивных свойств, перечисленных в [Dowty 1991: 572]. В противном случае этот участник считается прото-пациентом.

Тест Фишера показал наличие связи между прото-ролью и маркированием ПД:

факторный признак	результативный признак		сумма
	номинатив	генитив	
прото-агенса	4	18	22
прото-пациент	45	10	55
всего	49	28	77
p =	0,0000003		

Таблица 1. Количество ПД в номинативе или в генитиве в зависимости от прото-роли

Таким образом, кажется необходимым продолжить исследование фактора прото-роли на материале других данных.

Список сокращений

ДОМ – дифференцированное объектное маркирование

ПД – прямое дополнение

Литература

1. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
2. Сердобольская Н.В. Вариативное оформление прямого дополнения в осетинском языке // Малые языки в большой лингвистике. 2020.
3. Сердобольская Н.В., Тужик О.В. Семантическая роль прямого дополнения и выбор падежного маркирования в иронском диалекте осетинского языка // Малые языки в большой лингвистике. 2024. [устный доклад]
4. Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1991. Т. 67. № 3. С. 547-619.
5. Primus B. Animacy, generalized semantic roles, and differential object marking // Case, word order and prominence: Interacting cues in language production and comprehension. Dordrecht: Springer Netherlands, 2011. С. 65-90.
6. Serdobolskaya N. et al. A Corpus Analysis of Differential Object Marking in Beserman Udmurt // Linguistica Uralica. 2020. Т. 56. № 4. С. 275-308.
7. Thordarson F. Ossetic grammatical studies. Veröffentlichungen zur Iranistik: Vol. 48. Vienna. 2009.

Материалы

1. Дж. Боккаччо, “Декамерон”: <https://ironau.ru/bilingva/PROSE/dekameron.htm>
2. Г. Газданов, “Повесть о трёх неудачах”: https://ironau.ru/bilingva/PROSE/povest_o_treh_neudachah.htm
3. А. Линдгрэн, “Малыш и Карлсон”: https://ironau.ru/bilingva/FAIRY_TALES/Karlson.htm
4. П. Мериме, “Маттео Фальконе”: https://ironau.ru/bilingva/PROSE/matteo_falkone.htm
5. А. С. Пушкин, “Метель”: <https://ironau.ru/bilingva/PROSE/tymygh.htm>
6. Э. Хемингуэй, “Старик и море”: https://ironau.ru/bilingva/PROSE/THE_OLD_MAN_AND_THE_SEA.htm
7. К. Чапек, “Следы”: <https://ironau.ru/bilingva/PROSE/sledy.htm>
8. И. Шах, “Сказки дервишей”: https://ironau.ru/bilingva/PROSE/Idries_Shah.htm
9. Г.-Х. Андерсен, “Соловей”: https://ironau.ru/bilingva/FAIRY_TALES/solovej.htm

Способы референции к будущему в михайловском людиковском: дистрибуция и грамматикализация

Фахрутдинова Альфия Ильгизовна

(РГГУ)

alfalef9@gmail.com

Для прибалтийско-финских языков характерно отсутствие специализированных синтетических форм для выражения будущего [Laakso 2022: 248]. Так, в михайловском говоре людиковского наречия карельского языка будущее передается несколькими способами: формой не прошедшего времени, аналитической конструкцией с глаголом *rubida* ‘начать’ и формой потенциалиса (только для глагола *быть*).

Как показывают полевые данные, выбор между формой не прошедшего времени (1) и конструкцией с *rubida* (2) регулируется видовым ракурсом — перфективным и имперфективным соответственно:

- (1) *huomen miä pane-n ocenka-n školnika-le*
завтра 1SG ставить-1SG оценка-GEN школьник-ALL
‘Завтра я поставлю оценку школьнику.’
- (2) *minun poig rubita-b tie-ma-ha lüüdin kiel’*
мой сын начать-3SG знать-SUP-ILL людиковский язык
‘Мой сын будет знать людиковский язык.’

Форма же потенциалиса для глагола *быть* используется для референции к будущему при именной предикации:

- (3) *täl aigo-l häin lie-no-b ruada-l*
этот-AD время-AD 3SG быть-POT-3PL работа-AD
‘В это время он будет на работе.’

Наличие аналитических конструкции для референции к будущему типично для прибалтийско-финских идиомов [Laakso 2022: 248]. Вспомогательные глаголы для таких конструкций грамматикализуются из разных источников [Metslang 1996]. Так, глаголы *tulla* и *käyvä* из финского и ингерманландского соответственно – ареально близких карельскому языков – грамматикализировались по пути COME > BEGIN [Metslang 1996]. Уже упомянутый карельский глагол *rubida* грамматикализировался по пути BE > BEGIN > FUTURE [Metslang 1996], что, хотя и является нетривиальной ареальной чертой¹ (общей, впрочем, для всех карельских идиомов), встречается в некоторых других прибалтийско-финских языках. Например, на одной из стадий грамматикализации эстонского глагола *hakkama* зарегистрировано значение типа BEGIN.

С другой стороны, бытийный глагол в форме потенциалиса имеет тенденцию к расширению функционала. Как показывают полевые данные, он может выступать в качестве вспомогательного глагола в конструкции с референцией к будущему:²

- (4) *minum akk tervas lie-no-b rodi-ma-ha*
мой жена скоро быть-POT-3SG рожать-SUP-ILL
‘Моя жена скоро будет рожать.’

¹ Мы намеренно обходим вниманием вепский суффикс *-škande*, грамматикализовавшийся по аналогичному пути и также использующийся для референции к будущему, поскольку в первую очередь рассматриваем аналитические конструкции.

² Данная конструкция признается не всеми носителями.

На сегодняшний день в грамматических описаниях карельского этот факт не зафиксирован [Зайков 1999]. Мы предполагаем, что это происходит вследствие контактного влияния русского. Таким образом, мы наблюдаем две аналитические конструкции с разными источниками грамматикализации. В докладе планируется более подробно рассмотреть эти две конструкции на ареальном фоне и их распределение с синтетическими формами.

Материалы по михайловскому говору собраны посредством опроса-анкетирования носителей в с. Михайловское Олонецкого района республики Карелия в июне 2023 года и январе 2024 года.

Список сокращений:

1, 3 – 1, 3 лицо; AD – адессив; ALL – аллатив; GEN – генетив; ILL – иллатив; SUP – супин; POT – потенциалис; SG – единственное число.

Литература:

Laakso, Johanna. 2022. Finnic. General introduction. 2022 // Marianne Bakró-Nagy, Johanna Laakso, and Elena Skribnik (eds.) *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022 – p.248.

Metslang, Helle. 1996. The development of the futures in the Finno-Ugric languages. In Mati Ereht (ed.), *Estonian: Typological Studies I (Publications of the Department of Estonian of the University of Tartu 4)*. Tartu. 123–144.

Зайков П. М. 1999. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика.

Поликодовые тексты как вид культурной коммуникации в 21 веке на примере интернет-мемов

Цыбенко Виктория Алексеевна

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

viktoria.tsybenko@gmail.com

Согласно теории мультимодальности тексты могут объединять в себе различные модусы коммуникации - лингвистический (основной канал передачи информации, интегрирующийся с визуальным и просодическим для создания общей семантики текста [Кибрик 2010: 142]) и экстралингвистический (представляющий манипуляции с телом как наиболее культурно обусловленным каналом передачи информации [Бутовская 2004: 23]), с помощью которых создается комплексная семантика текста и достигается цель коммуникации [Омельяненко, Ремчукова 2018: 69].

В данном исследовании поликодовые тексты рассматриваются на примере интернет-мемов, являющихся социокультурным явлением, представляющим собой текст, состоящий из вербальных и невербальных частей [Канашина 2018: 76-77] и созданный на основе устоявшихся культурных и лингвистических паттернов, распространенных в интернет-пространстве (мемсфере). Анализ особенностей функционирования таких текстов производится на основе сопоставления устойчивых русскоязычных и англоязычных культурных паттернов.

Методология исследования представляет собой теоретический анализ научных исследований в области теории мультимодальности (А.А. Кибрик, Е.М. Эльберт, М.Л. Бутовская, В.А. Омельяненко, Е.Н. Ремчукова), и области исследования интернет-мемов (Р. Докинз, М. Динел, А. Ван Винсберг, А. Остеррот, С. В. Канашина) и выработку на его основе подхода к рассмотрению интернет-мема как современного средства полимодальной культурной интернет-коммуникации, которое может быть инструментом формирования коммуникативной компетенции, например, при обучении иностранному языку.

Выводы исследования: Интернет-мемы, являясь видом опосредованной интернет-коммуникации, предполагают наличие Homo Legens, способного кодировать имеющуюся у него информацию и декодировать суггестивные смыслы на основе знаний о социокультурной действительности. Такая интерпретация приводит к появлению новых смыслов, которые становятся новыми единицами современного метаязыка и объектом коммуникации современной интернет-культуры [Van Wynsberghe 2017: 9-11]. Поскольку вербальный компонент зачастую уступает визуальному и просодическому каналам по объему передаваемой информации [Kibrik, El'bert 2008: 82], переход на вербальный уровень, например, для объяснения ситуации на иностранном языке, предполагает необходимость разработки языковых и коммуникативных опор.

Литература:

Бутовская 2004 — Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросскультурные основы невербальной коммуникации человека). М.: Научный мир, 2004. — 440 с. URL: <https://goo.su/yb3Z> (дата обращения: 04.04.24).

Канашина 2018 — Канашина С. В. Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2018. — №16 (811). — С. 74–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-osobennosti-internet-mema-kak-polimodalnogo-diskursa> (дата обращения: 13.03.2024).

Кибрик 2010 — Кибрик А. А. Мультиmodalная лингвистика// Когнитивные исследования: сборник научных трудов. Том Выпуск 4. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2010. — С. 135–152. URL: https://iling-ran.ru/kibrik/Multimodal%40Cog_Studies_2010.pdf (дата обращения: 04.04.24).

Омельяненко, Ремчукова 2018 — Омельяненко В.А., Ремчукова Е. Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультиmodalности// Коммуникативные исследования, 2018. — №3 (17). — С. 66–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polikodovye-teksty-v-aspekte-teorii-multimodalnosti> (дата обращения: 13.03.2024).

Kibrik, A.A., Èl'bert E.M. Understanding spoken discourse: the contribution of three information channels// Materials of the 3rd International Conference on Cognitive Moscow, June 2008 Science/ Eds. Yu. I. Alexandrov et al, 2008. — P. 82–84. URL: https://iling-ran.ru/kibrik/Information_channels@CogSci2008.pdf (data of access: 04.04.24).

Van Wynsberghe 2017 — Van Wynsberghe A. Internet Memes New Cultural Metalanguage: a Case Study of Pepe the Frog/ Anthropology of Language Research Project// *Academia*, 2017. — P. 1–13. URL: https://www.academia.edu/35828594/Internet_Memes_As_New_Cultural_Metalanguage_a_Case_Study_of_Pepe_the_Frog_Anthropology_of_Language_Research_Project (data of access: 13.03.24).

Оценка качества транскриптов: специальная система для расшифрованных интервью с носителями аляскинского русского языка

Шумилина Марина Андреевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Институт языкознания РАН, Москва, Россия

mari.an.shum@iling-ran.ru

Лингвистические экспедиции служат источником данных в самых разнообразных форматах, в том числе аудио- и видеозаписей. Для дальнейшей исследовательской работы возникает необходимость отражать содержание мультимедийных файлов в письменном виде с помощью специального стандарта разметки. Полученные в результате тексты, или транскрипты, не всегда в полной мере соответствуют принятому стандарту; кроме того, ясность и информативность каждого текста ограничена качеством исходного медиафайла. Возникает необходимость классифицировать транскрипты по уровню их качества.

В предлагаемом докладе будет представлен промежуточный результат работы над системой оценки транскриптов, которые были записаны по аудио- и видеоматериалам экспедиций к носителям аляскинского русского языка (Alaskan Russian, далее AR) [Bergelson et al. 2020]. Будут описаны пять основных критериев оценки:

1. Связность и ясность текста;
2. Качество дискурсивной разметки;
3. Качество работы с AR словами (прежде всего корректность их транскрипции);
4. Мера формальной расшифровки (число расшифрованных слогов с поправкой на качество исходного медиафайла);
5. Мера лексической расшифровки (отношение числа информативной лексики к общему числу расшифрованных слов).

Среди этих критериев четыре состоят из отдельных параметров, которые также будут освещены.

Одной из ключевых задач работы с транскриптами можно назвать выявление AR слов, которые могут быть еще не представлены в существующем словаре [эл. ресурс]. Кроме того, исследователи AR создали перечень правил [Bergelson and Kibrik 2011], в соответствии с которыми должна производиться транскрипция русских слов; соблюдение этих правил также проверяется в процессе оценивания.

Особый акцент в докладе будет сделан на автоматизации некоторых этапов оценивания:

- меры формальной и лексической расшифровки рассчитываются программным методом;
- для каждого транскрипта полуавтоматически собирается конкорданс AR слов, которые в нем встретились;
- наконец, правильность транскрипции AR слов также проверяется полуавтоматическим образом.

Предлагаемая система во многом является универсальной и, теоретически, может быть доработана для оценки расшифровок дискурсов на других малых и исчезающих языках.

Литература:

Bergelson M. B., Kibrik A. A. The Ninilchik variety of Russian: Linguistic heritage of Alaska // A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (eds.) Instrumentarium of Linguistics:

Sociolinguistic approaches to non-standard Russian (*Slavica Helsingiensia* 40). Helsinki University Press Helsinki: 2011. P. 320–335.

Bergelson M., Kibrik A., Raskladkina M. The Language of a Lost Russian Region in the Historical Context of Russia's Eastward Expansion // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 3. P. 916–936. DOI 10.15826/qr.2020.3.504.

Словарь нинильчикского русского: <https://iling-ran.ru/circumpolar/library/ninilchikdictionary/lexicon/index.htm> (дата обращения: 12.03.2024).

Выявление «несловарных» единиц русского языка на материале Журнального Зала

Ядровский Евгений Борисович

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

spooderman1886@gmail.com

Толковые словари медленно и не всегда аккуратно реагируют на инновации лексикона. Так, в выходящем сейчас Большом академическом словаре русского языка статья бакалавриат соответствует современным российским реалиям, а бакалавр — нет. Нет в новом БАСе некоторых «старых» слов, и не менявших семантики, как рулька, и таких, у которых в узусе новое значение преобладает над старым (напр., представленные в контекстах типа меня клинит resp. дверь/винтовку клинит). Отсутствуют общеизвестные заимствования и результаты их переработки русским языком (ресепшен, комп, ноут и мн. др.).

В данном исследовании на материале сегмента Журнальный зал Генерального интернет-корпуса русского языка, содержащего 277,3 млн словоупотреблений современных литераторов за 1996—2018 гг., выявляются единицы, отсутствующие в современных толковых словарях. (Задача выявления новых значений у слов, фиксируемых словарями, не ставилась, поскольку требует семантического анализа текста.)

Корпус морфосинтаксически размечен в формате Universal Dependencies. Для его обработки был написан скрипт на языке Python, фильтрующий «несловарные» леммы. Большая часть найденного — результат ошибок автоматической лемматизации (ее эффективность для «словарных» слов составляет 97—99%, для «несловарных» не превышает 80%).

Кроме фактов ошибочной лемматизации, выявлено большое число заимствований (в частности, развивших словарные гнезда). Среди собственно русских слов обнаружено большое число как производных от фиксируемых слов, так и иных, ср. [Приезжий] Стоял на мысу в **забродниках**. Ловил на **казару** [тип наживки], ходил туда-сюда, клал **нахлыстом**. Может, какой жеребец клюнул, стал вываживать, в яму наступил. <...> А может, сердце прихватило, не смог **заброды** скинуть: вода-то холодная еще [А. Иличевский. Узкое небо, широкая река // Новый Мир, номер 8, 2016] (выделенное п/ж в словарях отсутствует, переносные значения жеребца — только о мужчинах).

Работ в данной области замечено не было. Результаты исследования могут использоваться для пополнения толковых словарей.

Stereotyping Based On Lexical Preference: Enduring Attitudes of Turkish Speakers Toward Arabic and Persian Loanwords

Simsek Hasan Berkcan
HSE University, Moscow, Russia
hbsimsek@hse.ru

Following the formation of the Republic of Turkey in the 20th century, a purist language policy sought to replace Arabic and Persian loanwords with pure Turkish words that were either newly derived or were ancient Turkic words that had fallen out of use. Over time, use of these loanwords has steadily decreased, yet a substantial portion of the vocabulary remains composed of them. Based on the hypothesis that the deliberate word choices of Arabic and Persian loanwords over the pure Turkish ones signal different identity connotations today, this research aimed to answer the following questions: (I) What language attitudes do Turkish speakers hold toward the Arabic and Persian loanwords in Turkish? (II) During discourse, which arguments do they present in their attitudinal standings toward these loanwords? (III) Are there considerable differences among the respondents from the gender (male / female) and age groups (18-29 / 30-45) in their attitudes? Drawing on the social constructionist approach and the idea that attitudes are effectively understood in the context of arguments, semi-structured interviews were utilized to gather qualitative data with twenty middle-class participants, balanced in terms of gender and age (18-29/30-45). The insights gained were then used to create a 20-item Likert scale questionnaire, and 203 responses were collected in total.

The qualitative results uncovered a diverse range of discourse about individuals who either use or refrain from using these loanwords. It was revealed that these loanwords today carry significant social meanings that are associated with different personality traits, and that their usage can inform attitude holders about one's education level, intellectual capacity, or political affiliations. People endorse or oppose their use by attributing a wide range of traits to those who frequently employ them, ranging from quite positive characteristics such as "cultured", "courteous", and "intellectual" to highly disapproving ones such as "corrupted", "lumpen", and "pretentious".

The quantitative findings showed a prevalence of negative attitudes, suggesting the language reform's efficacy in shaping enduring attitudes aligned with its objectives, alongside lesser yet significant proportions of positive and ambivalent attitudes. Regarding positive attitudes, the aesthetic appeal of loanwords was pivotal. More individuals viewed them positively for enriching the lexicon compared to those with opposing views. People generally did not feel compelled to avoid using loanwords intentionally. However, they generally did not perceive a pragmatic value in learning more of them.

The younger respondents held more favorable attitudes towards the loanwords compared to older ones. They more commonly perceived frequent use of the loanwords as a sign of intellectual sophistication and a source of lexical richness, and were less likely to avoid using them. However, paradoxically, more younger respondents believed in the necessity of purist measures during the language reform compared to older respondents. In general, there's a gradual rise in favorable attitudes towards loanwords among the younger generation. However, this trend is particularly noticeable among younger males, while younger females show fewer positive attitudes. Surprisingly, younger females exhibit even less positive attitudes than older females. Overall, the research highlights stereotyping based on lexical preference and the enduring complexity of attitudes towards a lexical source suppressed by a purist reform nearly a century ago.